

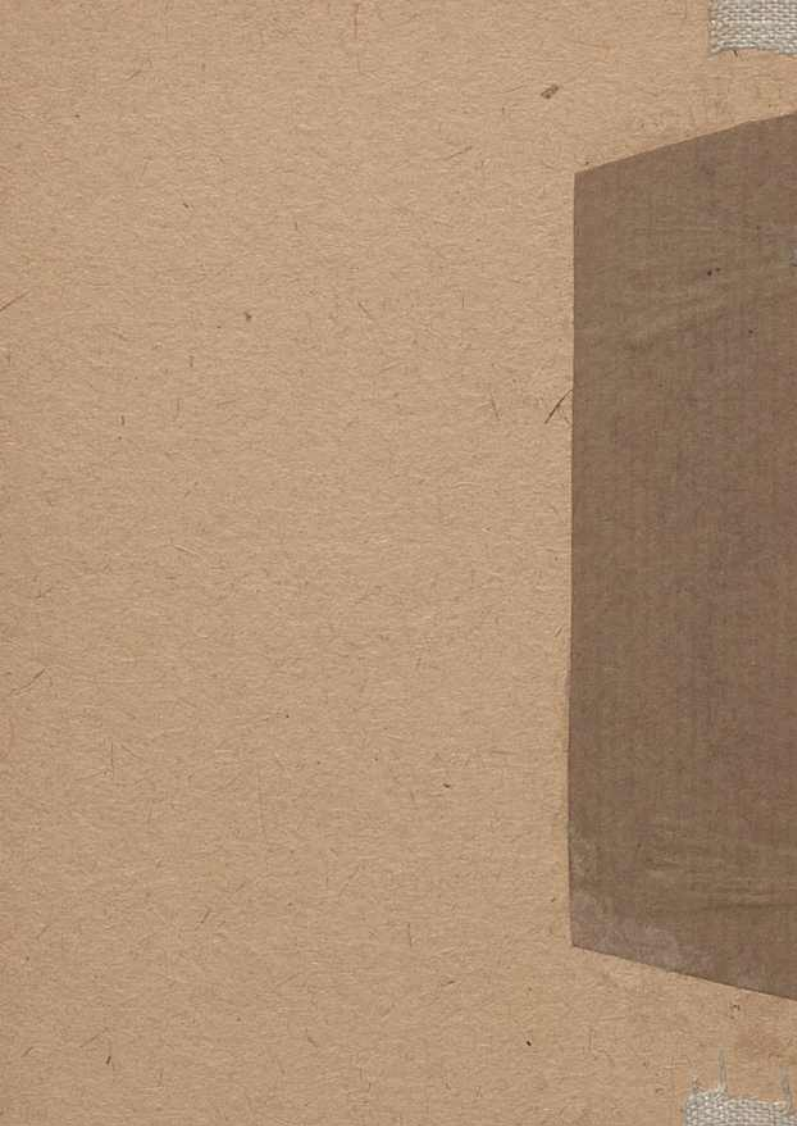
1734

891.72.13

11.23
Пылевка

Иваново

Семенов

Handwritten signature or initials in dark ink on a brown background.

Президентская библиотека
Республики Беларусь

8 800000 833750

1147 № 111
А. Ф. Пущалко.

Тилипово
веселье

(б'лорусскій очерк).

Оттискъ изъ „Витебск. Губернск. Відомостей“.

ВИТЕБСКЪ.
Губернская Типо-Литографія.
1901.

27

А. Ф. Пшелко.

Пилипово веселье

Беларускі
Музей
А. Пшелка
Лужанскі

(бѣлорусскій очеркъ).

Оттискъ изъ „Витебск. Губернск. Вѣдомостей“.

ВИТЕБСКЪ.
Губернская Типо-Литографія,
1901.

Бібліотекы
№ 26457
Беларускі
Музей

Инв.
1954 г.

Дозволено цензурою 28 іюля 1900 г. Вильна.

№ инв. 905.

ПИЛИПОВО ВЕСЕЛЬЕ.

I.

Пилипъ, подобно своимъ сродникамъ, до семи лѣтъ бѣгалъ по деревнѣ въ длинной, грязной рубашкѣ, и родители совѣмъ забыли бы о его существованіи, если бы онъ не просилъ „ѣсть-ки“ и если бы не нуждались въ его, Пилипа, услугахъ нянчить и колыхатъ меньшаго братишку, который на третьемъ году померъ „съ суроцу“.

Три главныхъ момента особенно памятливы Пилипу изъ дальнѣйшей его жизни. Вотъ пошили ему въ первый разъ полотняные штаны съ „матузами“, и тогда же погналъ онъ, вмѣстѣ съ сосѣдними мальчишками, пасти свиней на попарь. Ахъ, какой длинный тогда далъ ему кнутъ батька! Теперь кнуты такіе повывелись...

За „свинопаствомъ“ Пилипъ подружился, между прочимъ, съ Юркой, который и далъ ему первые уроки, какъ лапти плести, какъ „у трубу“ трубить, какъ пчелиный медъ на пожнѣ отыскивать, какъ разорять гнѣзда воронья. Помнить также Пилипъ, какъ первый разъ мать выправляла его съ коровниками. Это было на Юрьинъ день. Мать, погладивъ Пилипа по головкѣ, дала ему сыръ и пару яицъ и сказала:

«Смотри-жь, Пилипка, теперъ ты коровокъ глядѣть будешь... Слухай згоннаго ¹⁾ пастуха... Енъ же тебѣ за батьку будетъ, а ты за скотомъ научишься глядѣть, будешь добрымъ хозяиномъ».

Какъ время послѣ этого быстро улетѣло! Вотъ онъ уже и съ свинопасами, и съ коровниками распрощался и къ мужчинской работѣ сталъ понемногу подучаться. Соху, борону, косу — все перепробовалъ на своей узенькой полосѣ и вышелъ изъ пастуха настоящей паробокъ! Мать не разъ радовалась, что вотъ, дескать, «выгодовала большака», да недолго пришлось ей утѣшаться: передъ Покровомъ (два года тому назадъ! она зачала «на сухоты»). Всѣ деревенскіе знахари перебивали, — пріѣзжалъ даже всему свѣту

¹⁾ Старшаго.

вѣдомый Самоська Дудка,—и ничего не помогли. И чаровники, и бабы единогласно рѣшили, что никто не убѣжитъ отъ того, „што кому на роду написано“.

А когда умерла мать, отецъ сталъ твердить, что „безъ бабы у хати плохо“. Безъ бабы и хозяйство не идетъ путемъ. Хозяину,—извѣстное дѣло,—своя работа, а баба ворочайся около печи со своими кочергами. Опять и въ огородѣ: что до бабъ касательно, то мужчинѣ не подѣ статься. И на свою голову всего не возьмешь... Разви буракъ, морковь, капуста безъ бабы выростуть? Бабы и кузурькъ ²⁾ повыгонять, и полютъ и перополятъ, а коли живешь „холойстрымъ“ ³⁾ или не имѣешь довольно бабскихъ рукъ, ну и ѣшь прѣсное, или давись клецками, колотухой, бульбой... Свиненка, поросенка, коровенку безъ бабскаго глазу не отгодуешь... А настанеть припарь, тогда хватайся за чужихъ бабъ, „якъ за рожонъ“.

— Теперь наша Агапка, разсуждалъ Ѳедоръ (такъ зовуть отца Пилипа), относительно небольшой пятнадцатилѣтней своей дочери, работница съ малымъ расходомъ.

²⁾ Мошегъ.

³⁾ Холостымъ.

Дать свиньямъ, хату подмести, ти воды нанести, а такъ прочее што—куды-ы! Икая ни есть, а все своя баба, да и Пилипъ больше будетъ коло дому. Теперь, якъ „холойстрый“, такъ ему только и на умѣ—на село пойти да зубы точить у пусто. А на игрище забс-рецца—и не вытащишь“.

— Што ты, Пилипка, думаешь, обратился Федоръ въ одинъ прекрасный вечеръ къ своему сыну, который въ это время спокойно вилъ веревку около стѣны.

Пилипъ промолчалъ. Онъ уже чувствовалъ, что батка „про бабъ гуторку“ начинаетъ, а бабскіе разговоры давно уже надоѣли ему хуже рѣдки. И веревка продолжала шуршать: Пилипъ то приближался къ стѣнѣ, то отходилъ къ столу, при чемъ на потолкѣ и около печки выдѣлывала такія же быстрыя движенія и его тѣнь.

Федоръ щепалъ лучину и складывалъ ее около корыта. За корытомъ стояли „жерны“. Черныя, закоптѣлыя стѣны были увѣшаны разнаго рода мѣшочками, рѣшетами, а около печки сбилась въ кучу огромная стая пру совъ. Воздухъ переполненъ испареніями отъ «анучекъ», развѣшанныхъ надъ духомъ (около печки) и запахомъ горѣлой «картошки».

— Ну што-жъ ты ничего не гукаишь? — прервалъ молчаніе отецъ.

— Ну, а што будетъ? — буркнулъ съ досадою Пилипъ, не глядя на отца.

— Якъ што? Треба жонку шукать! Надо-жъ тебѣ коли-ни-коли на хозяйство самому сѣсть. Ты видишь, якое мое подыханне. Мой вѣкъ, — казау той человѣкъ, — день. Хожу, хожу — и завалюся. Зимой бьемся якъ-ни-якъ, а лѣтомъ икаво?

— Шукать, ты кажешь?... А якъ ее шукать?

— Да вотъ, далеко не ходивши примѣромъ, Трохимову Ганулю... Што? Чѣмъ не жонка-а? Кажись худой гуторки объ ней не чувать — говорилъ Ѳедоръ, пристально посматрѣвъ на сына: гэта не Якимовой чета...

— А хто ес тамъ вѣдаить! — замѣтилъ равнодушно Пилипъ, махнувъ рукой. Я ее не видиу, а коли и видиу, то не въ притямку ⁴⁾.

На этомъ «бабій разговоръ» и оборвался. Пилипъ посчиталъ инцидентъ на нѣкоторое время исчерпаннымъ, по крайней мѣрѣ, хоть до лѣта, или до весны. «Какъ мнѣ, думалъ онъ, жениться, коли только года четыре какъ

⁴⁾ Не въ памяти.

бросилъ коровъ гонять! Давно ли къ «паробкамъ» присталь, за сохой ходить научился... Женись, а потомъ вѣкъ возись съ жонкой, „якъ съ рожномъ“. И Филипъ съ досадою сталъ крутить корешки въ цыгарку, усѣвшись на нарахъ въ ожиданіи ужина.

Отець между тѣмъ погрузился въ свои хозяйскіе расчеты. „Теперь дай только ему спуску, такъ до Филипповокъ ⁵⁾ и прой_детъ время, а лѣтомъ опять безъ бабы... А ахъ! Покойница теперь жонка!.. Царство ей небесное!.. До всего доглядъ былъ ладный... И скотина, и „сбожжа“ ⁶⁾, и хатка, а теперь все разинувши ротъ стоитъ... А лѣта мои куда не молодые!“

И Федоръ долго еще теребилъ голову, пожимался, кряхтѣлъ, наконецъ, собралъ лучину въ куль и вышелъ въ сѣни.

Агапка между тѣмъ перенесла зажженную лучину къ печкѣ, вытянула печеный картофель, налила раугени ⁷⁾ и принесла два ячменныхъ сочня.

— Ты дужа не пужайся, — опять началъ на прежнюю тему отецъ, усаживаясь за тра-

---

⁵⁾ До начала Рождественскаго поста.

⁶⁾ Хлѣбъ.

⁷⁾ Солодовый квасъ.

пезу. Зараньше женишься, не такъ скоро по-старѣешь... Посмотришь, примѣромъ, Ганулю, у понаравъ придецца — оженимъ тебя, якъ слѣдъ быть. Раньше встанешь, больше зробишь, а раньше женишься — дѣтей подгодуешь. Вотъ што!

Пилипъ не возражалъ, и, когда встали изъ-за стола, отецъ полѣзъ на печь. Пилипъ послѣдовалъ его примѣру и растянулся на нарахъ. Одна Агапка еще стряпала около посуды и клала дрова въ печь. Наконецъ, и она улеглась, потушивъ лучину въ печной ямкѣ.

Утромъ, еще не успѣло солнце выглянуть изъ-за „панскаго ельнику“, Пилипъ уже одѣлся и собрался было поѣхать за дровами. Погода стояла грязная. Мелкій дождь лилъ какъ „черезъ сито“. Холодный осенній вѣтеръ хлесталъ въ лицо, залѣзалъ за воротъ армяка. Двѣ березки за Федоровымъ токомъ плавно раскачивались по сторонамъ до самой крыши, поднимались, призадумывались и снова продолжали наклоняться, шумѣть и перешептываться другъ съ дружкой.

Пилипъ вышелъ на дворъ, поморщился при видѣ такой „слякоти“, отворотилъ воротъ армяка и вдругъ увидѣлъ около пуни отца, который держалъ расписную дугу. Рас-

писная дуга, какъ видно, принесена отъ Симона. Симонъ еще запрошлый годъ купилъ въ городѣ и съ тѣхъ поръ все жители Кривулина одолжаютъ ее для экстраординарныхъ поѣздокъ. Нѣтъ больше сомнѣнія, что батька рѣшилъ-таки на счетъ свадьбы не терять времени. Вонъ, смотрите, онъ уже тащитъ телѣгу, подмазываетъ колеса, прилаживаетъ поротокъ съ сѣномъ для сидѣнья. Филиппъ протеръ глаза и не двинулся съ мѣста.

— „Во и толкуй теперь съ нимъ, разсуждалъ онъ... Развѣ на село пойти?“

— Ты куда?—крикнулъ Федоръ, замѣтивъ, что тотъ поворотилъ около плетня къ Федосовой хатѣ. И руки опустиу! Што тебѣ такъ страшно? Не отъ тебя ета устала, не отъ тебя и поляжить! Поѣдемъ, поглядимъ... Дѣло такое: не любо -- не купимъ... такъ завсегда на людяхъ бываить...

— Да, якъ же я, тата, поѣду, коли и ботовъ нѣтъ?

— Што тамъ боты? Абы здоровье... Иди, сними лапти, да позычь ботовъ у Юрки, покуль тебѣ пошіемъ. И я такъ женіуся. У небощика, у Якима, позычау, якъ ѣхау къ небощицѣ у сваты... А дай Богъ и тебѣ егулять съ такимъ гукомъ веселле, якъ мы гуляли!

Пилипъ, повидимому, хотѣлъ отстаивать свою свободу, но какъ противиться упрямому батькѣ? Все равно онъ цѣлую зиму будетъ „опрыкраца“: не дастъ житья за „бабимъ разговоромъ“. И, постоявъ съ минуту въ раздумьи, онъ почесалъ затылокъ и кончилъ тѣмъ, что перелѣзъ чрезъ плетень и направился къ Юркиной хатѣ.

Юрка, быстроглазый, курносый, съ беснушками на лицѣ, парень, однимъ годомъ старше Пилипа и, какъ помнятъ читатели, вошелъ въ дружбу съ послѣднимъ еще въ періодъ ихъ пастушеской жизни. Юрка сидитъ съ братомъ на „батьковщинѣ“, — на двухъ надѣлахъ съ треттиной и слыветъ весельчакомъ не только въ Кривулинѣ, но даже и въ Подберезникахъ, и въ Беззубовщинѣ. Кто не видалъ его на всѣхъ „тутошнихъ кирмашахъ“, или на игрищахъ въ Безрыловѣ? Онъ и танцоръ, и балагуръ. А какія легкія колѣна выкидываетъ Юрка въ „кадрыляхъ“ и „линтяхъ“! Я не буду описывать того восторга, который овладѣваетъ публикой на кирмашахъ, послѣ того, какъ Юрка „отемалить трепака“ и подсыпнуть въ концѣ „дробняку“. Всѣ эти подробности были бы для васъ утомительны, тѣмъ болѣе, что вы сами видѣли это, когда проѣзжали около рѣки чрезъ Кривулино въ ильинскій кирмашъ.

Юрка сочувственно отнесся къ намѣренію Пилипова отца женить сына на Ганкѣ.

— А мнѣ, по правдѣ сказать, говорилъ онъ смѣясь и снимая смазные съ длинными голенищами сапоги, хоть ты на Ганкѣ, хоть ты на Прузынѣ женишься, а бы мене за братеньку узяу!.. А не возьмешь, усю свадьбу спорчу... ты думаешь, я не чаровникъ?... Ха-ха-ха! Со мной жарты плохіи!

— Давно ты мазау боты? — равнодушно прервалъ его Пилипъ, стараясь встать на свою ногу юркины боты... Ну, я еще помажу. Деготь есть, — не пожалѣю... Ты не бось, — не пропадутъ твои боты! Слава Богу, скоро свои будутъ... не буду кланяться... Али знатныя голенища... Только на игрища ходить... Да, видно мои игрища коломъ пошли!

— Теперь свищи, братецъ! Погуляла кобылка, да и въ хомуть пора!

— И ты ни до вѣку гарцовать будешь съ дѣвками! Будешь ты по дѣвкамъ клецки справлять, — сказалъ Пилипъ, поднимаясь съ полу.

— Дай въ часъ добрый! — кричалъ Юрка, когда уходившій пріятель поворотилъ съ тока къ плетню.

Пилипъ засталъ отца, дѣлавшимъ послѣднія приготовленія къ отъѣзду. Онъ запрегъ

уже маленькаго пѣгаго кошучка, уложилъ норотокъ съ сѣномъ и старался уткнуться въ сидѣнье боченокъ съ водкой. Пѣгій кошучокъ торжественно помахивалъ завязаннымъ хвостомъ и поминутно настороживалъ уши, слыша непривычное позвякиванье колокольчика. Кошучокъ, проводящій свою сѣрую, скучную однообразную жизнь въ грязномъ ветхомъ хлѣву, не могъ также понять, почему его хозяинъ почистилъ ему рукой грязные бока, нѣсколько разъ трепалъ гриву, чистилъ и гладилъ шею и долго возился съ хвостомъ, вообще хозяинъ особенно былъ ласковъ съ нимъ: подсыпалъ овса въ ночевки, далъ сѣна изъ другого угла и поить сводилъ въ ручей, а не въ лужину, къ току.

Пилипъ волей-неволей продолжалъ готовиться къ поѣздкѣ на «выглядины». Онъ налилъ въ черепокъ дегтю и вымазалъ юркины боты отъ подметокъ до «вершковъ», а затѣмъ принялся за туалетъ. Въ нижнемъ платьѣ не требовалось никакой перемѣны, такъ какъ на «выглядинахъ» все равно вѣдь придется сидѣть, не раздѣваясь до вечера, а если Богъ «наладитъ дѣло», то и всю ночь. Верхняя же одежда, состоящая изъ бѣлаго кожуха и сиваго армяка, не требовали подчистки. Оставалось, значить, причесать голову и погля-

дѣться въ люстэрыкъ. Пилипъ долго искалъ гребня и въ «печуркѣ», и въ столикѣ, и въ «кублѣ», и на подоконникѣ, и подь «божницей», но гребень, какъ «скрозь донна» провалился, а «масяндзовикъ» привязанъ къ батъкиному поясу, а батъка уже одѣлся. Пилипъ и ограничился тѣмъ, что перепоясался сыромятнымъ ремнемъ и пригладилъ волоса всеми пятью пальцами.

— Ну, иди, садись!— кричалъ со двора отецъ. Што ты тамъ прибираешься, якъ дѣука. Конь захаладау.

Вышелъ Пилипъ, съезжился, ввалился «кулемъ» на телѣгу, и отецъ стегнулъ копшучка по боку и по ногамъ. Пѣгій ковшка принялъ эту интродукцію, какъ нѣкую дань за все грѣхи свои, вольные и невольные, по отношенію къ хозяину, лягнулъ задними ногами, фыркнулъ, мотнулъ головой и понесся во всю свою копшучью прыть.

Чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ болѣе мрачнымъ становился Пилипъ. Онъ отъ нечего дѣлать палилъ «корешки» и на все заманчивыя перспективы, въ которыя скороговоркой посвящалъ его отецъ, отплевывался, издавалъ неопредѣленное мычаніе или покрывалъ.

— Возьмешь ты жонку, говорилъ Теодоръ, подстебывая своего коня... Ну хоть Ганку, примѣромъ... Но-о! Воукъ тебя задави-и-и! Не видишь, куды ѣдемъ!... И будешь ты вѣкъ вѣковать съ Ганкой, примѣромъ.— Ну и што тебѣ надо еще? Будутъ скрипка и цимбалы играть—ну якого тебѣ рожна еще? Конь у насъ есть, безъ коровы на зиму не останешься... Трохимъ хоть бѣлую, а все-таки дась у «пасагъ»⁸⁾ за Ганку—ну што тебѣ еще? Тепера мы бѣдноваты... Жито—самъ знаешь не уродило... И до великаго поста половки⁹⁾ ти хватить. А все-жъ къ свадьбѣ оттуль-отсюль выколимъ... Овечки двѣ продѣдимъ, пеньку, овса... И все будетъ, якъ у людей.. Горѣлки везу на поглядины два гарца, а на томъ-же не конецъ! И чего ты чмыхаешь, якъ шапокъ¹⁰⁾... Якіи табѣ чмыхи? Возьми ты въ дурную голову свою, что ни тобой ета завелося, и ни тобой выведецца... Потому за мой головой и покончи съ етымъ дѣломъ. Такимъ и я быу, а вотъ тепера отгодовау тебѣ и—дасть Богъ—женю на Ганкѣ...

Но настроеніе Пилипа не улучшалось. „Ахъ ета свадьба, думаль онъ. Какъ скоро

⁸⁾ Въ приданое.

⁹⁾ Хлѣбъ съ примѣсю мекны.

¹⁰⁾ Хорекъ.

бацька хочеть все сдѣлать... Не успѣлъ я молодымъ побыть... Ни ты людей, ни люди тебя... Такъ только одна гиль. Бацька годы считалъ малые, да малые... Все ребенокъ да ребенокъ, а тутъ и къ жеребку подтянули... Съ призыву долой, а бацька за свадьбу“...

— Я, тата, думаю, чтобъ, значить, свадьбу до лѣта оттянуть, — робко сказалъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Кого ты говоришь? Оттянуть, а для кого оттянуть? На мою голову оттянуть? — а? Што ведешь пустое, коли уже къ Трохимовой хатѣ скоро подъѣдемъ... Ъхали, ѡхали, а тутъ нако-сь.

Дѣйствительно, до Козлиныхъ Хвостовъ оставалось не больше версты.

Холодъ подулъ отъ лѣсу, и путники едва сидѣли въ ихъ маленькой телѣжкѣ.

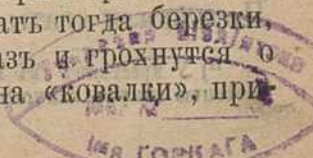
Осеннее солнце все время прячется за тучами. Не ласково солнце до людцевъ. Тепла мало даетъ и глядять не весело. Да „людцы“ на солнце и не обижаются. Слава Богу! Сѣнце, — какое послалъ Господь, — собрали въ пуньки, хлѣбушко — въ токи, горохъ — въ друки. Посвѣтитъ солнышко около лѣсу — и спрячется: «довольно, дескать; вашъ припаръ прошелъ; отдыхайте, добрые люди,

силы припасайте до лѣта». Заволоклось солнышко тучами, а тучи изъ-за горы валятъ черныя, сѣрыя. Бѣгутъ тучи, какъ волна на озерѣ, бѣгутъ безъ устали, безъ „пардону“. А поля пожелтѣли, побѣлѣли. Вонь тѣ самыя полосы панской земли, куда Пилипъ ходилъ на заработки. Гдѣ же тѣ колосья что шептались другъ съ другомъ, гдѣ та зеленая травка, что такъ ярко пестрѣла вонь, на этомъ лужку? Все изъ «красныхъ деньковъ» вышло, для всѣхъ скука надвинулась. И Пилипъ, глядя на увядшую природу и, вспоминая «вольготные деньки» далекаго дѣтства, еще больше натянулъ армякъ на уши, сгорбился и погрузился въ тяжелую думу.

Спустились къ лѣсу, въ которомъ березки и ольха уже совсѣмъ осыпали листья. Березки понурили головы и съ грустью готовятся къ морознымъ днямъ, къ выюгамъ-метелямъ, когда придется одѣть бѣлый саванъ и предаться летаргii до слѣдующей весны. А можетъ быть съѣдется сюда ватага панскихъ работниковъ съ топорами, пилами, и начнутъ они безъ жалости срубать присмирѣвшій, помертвѣвшій лѣсъ. Затрещать тогда березки, зашумятъ въ послѣдній разъ и грохнутся о землю. Порѣжутъ ихъ на «ковалки», при-

264549

везуть домой и сожгутъ въ печахъ, въ осетяхъ. Грустно мерзнуть березкамъ на стюжѣ!...

Вотъ и козлинскія полосы, вотъ и спорная земля Панаса, о которой въ 5-й разъ уже ходятъ бумаги то въ «губернiю», то въ уѣздъ, то въ «волоскую», то опять въ «губернiю».

Федоръ остановилъ пѣгаго, перевязалъ ему въ нѣсколько узловъ хвостъ, затѣмъ вскочилъ на норотокъ, и телѣга быстрой рысцей въѣхала въ Кривулино. Звонкъ, такъ рѣдко раздающійся въ деревнѣ, произвелъ большую тревогу. Обитатели небольшихъ хатокъ высовывали головы въ окна или сѣвши выбѣжать за ворота. Любопытства особенно много проявляли ребята, которые во всю прыть бѣжали за телѣгой, утопая въ грязи, спотыкаясь, падая, поднимая «визготню».

Семья Трофима, бывшая на дворѣ и «те-ребившая» капусту, посаѣшно скрылась въ своей курной хаткѣ, оставивъ на плотѣ кожухъ, платки, рукавицы, а въ ясляхъ ¹¹⁾ насаженные для сѣчева капусты косы. Всѣмъ стало ясно, что къ Ганкѣ сваты нагрянули. Подъѣхали сваты прямо подъ окна, а у хо-

¹¹⁾ У крестьянъ въ ясляхъ зимой даютъ кормъ лошадямъ, а осенью сѣкутъ капусту.

зайки—сестры Трофима, старой дѣвы, завѣдывающей всѣми дѣлами внутренняго и внѣшняго хозяйства—все „вверхъ дномъ“ на нарахъ и около стола; хата не метена, два корыта опрокинуты около печи, два подсвинка ѣдятъ храпѣ около сѣнныхъ дверей, двѣ скамейки ребята, гуляючи, перевернули. Вотъ наказаніе „боское“! Хозяйка „на скорую руку“, кое-какъ „тое туды“, „тое сюды“ разставила, спрятала племянницу въ „истопку“ и принялась хату мести.

Ребята вскочили на нары, хлопали въ ладоши и во весь голосъ кричали «ай, теточка, сваты, сваты-ы!».

— Якіи вамъ сваты, чертеняты? Зипайте, ничего не вѣдавши,—закричала на нихъ Аксинья, и опять взялась за «голень»¹²⁾. Но не успѣла она «скребануть» раза три-четыре, какъ отворилась дверь и ввалился Федоръ. У него при боку торчалъ «бизунъ», въ рукахъ—ватная шапка и рукавицы. Заперши дверь, онъ чихнулъ, утеръ усы, кашлянулъ и сказалъ:

— Здравства вамъ!

— Здравства, добрый человекъ!—тихо отозвалась хозяйка, не отрываясь отъ работы

---

¹²⁾ Вѣнчикъ.

и стараясь показать видъ, что никакихъ признаковъ сватовства въ Ѳедорѣ не видитъ.

Но вотъ отворилась опять дверь и вошелъ Филиппъ, который тихо себѣ подъ носъ пробурчалъ: „здорово вамъ!“ — и медленно, не выпуская изъ руки шапки, отошелъ къ лавкѣ около жеренъ. Онъ сразу почувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ. Глаза его безпокойно забѣгали по всѣмъ угламъ хаты, какъ бы ища защиты отъ непріятеля. Онъ то поворачивался къ нарамъ, то къ печи, то къ окну.

Ѳедоръ, между тѣмъ, подошелъ къ столу, положилъ шапку и рукавицы, развернулъ полы бѣлаго кожуха, досталъ пипку и кisetъ съ табакомъ и, чтобы прервать неловкое молчаніе, сказалъ ховяйкѣ:

— А гдѣ-бы тутъ, хозяйчка, тепла понасть? Съ дороги запалить бы троху...

— А вотъ я поищу въ ямкѣ уголька. Нагнись-тка ближе. Во-во! Хватай теперь, — ласково говорила хозяйка, вынимая лучинкой уголекъ изъ ямки на припечекъ.

Ѳедоръ ловко схватилъ уголь двумя пальцами, перебросилъ его на другую ладонь, затѣмъ, спустивъ въ пипку, притиснулъ сверху ногтемъ и, громко прицмокивая, сталъ раскуривать.

— Мм... Одначи, мусить теплая хозяйка, коли вугли еще не погасли,— произнесъ онъ,— ухмыляясь.

Аксинья усмѣхнулась, но не нашла подходящаго комплимента „свату“ и, какъ-будто нечаянно взглянула на Пилипа, подумала: „али якій онъ молодой.... лицо, якъ у Банандыся, а боты, видно, новые, хоть и носъ троху набокъ глядить“.

Наступило молчаніе. Ѳедорова пипка трещала. Ребята на палатахъ перешептывались, изъ сѣней били лычами въ дверь подсвинки, за печью кричалъ „цвиркунъ“, изъ-подъ печи выбѣжавшія хохлатки подняли „во весь голосъ“ кудаханье.

Ѳедоръ между тѣмъ искалъ подходящей «груторки», чтобы отвлечь хозяйку отъ хлопотъ, къ которымъ она прибѣгала, очевидно, неохотно. Онъ во всю мочь затыгивался, отплеывался и пускалъ зеленую струю дыма подъ потолокъ.

Ребята, между тѣмъ, все вниманіе напругавшія, чтобы не упустить ни одного момента изъ всей процедуры «выглядинъ», еще ниже свѣсили головы съ палатей и разсматривали то жениха, то свата. «Сватъ курить, а енъ такъ сидить», слышалось замѣчаніе ребятъ по адресу гостей. Въ эти неловкіе мо-

менты гости старались покашливать или отворачивались къ окнамъ, производя шорохъ ногами.

Трофимъ, между тѣмъ, оставался на денникъ и, хотя первый узналъ въ чемъ дѣло, однако, продолжалъ «возиться» около телѣги и изрѣдка ухмылялся, представляя себѣ тѣ удовольствія, которыя принесутъ сегодня «выглядины». Такая перспектива тѣмъ болѣе была пріятна Трофиму, что послѣ вчерашней выпивки съ Петракомъ Сиворыломъ (они распили послѣ судовъ двѣ бутылки «винополіи») и теперь безъ «похмелки» ощущается «подъ ложечкой» нѣкотораго рода «ледаикъ» и въ головѣ «не то шумъ, не то звонъ, не то такъ якое што!».

Вошелъ Трофимъ въ хату съ „веклокоченной головой“, въ подранной кожанкѣ, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки.

Онъ порукался съ Ѳедоромъ, искоса взглянулъ на Пилипа и сѣлъ за столъ.

— Гдѣ ета быу? — сказалъ Ѳедоръ.

— Тамъ, на дворѣ тое-сее... Колесы рахтавау ¹³⁾...

— А мы тутатька съ твоей хозяйкой якъ разгукалися, якъ разгукалися... Гдѣ-жь

¹³⁾ Прилаживаль.

твои еще? Тутъ же, вѣрно, не всѣ, што на палатяхъ?

— А есть ихъ довольно! Голову дурить мелкота ета! Безъ матки,—вѣдомое дѣло... Спасибо сестрѣ, доглядѣ за ими майть. Чего ты тамъ, Микола-а? Ну лежишь, такъ лежи... Есть и большая, да на село, кажись, пошла... Тамъ же у Прузыны ткуть новые „рушники“¹⁴⁾ у 8 нитовъ...

— Не въ 8, а въ 12 нитовъ, перебила Аксинья... Ина у насъ тикавая!¹⁵⁾

— Угу-у... промычалъ Федоръ и не зналъ чѣмъ дальше поддержать разговоръ. Я думаю, што значить, сказалъ онъ, помолчавъ, къ хозяйству ето сподручна: и соткать, и спрясти и прочее, ежели што... касательно семейнаго дѣла.

И свать запнулся. „Надо про подсвинка спросить ти што“?—подумалъ онъ.

— А што, ти купи у тебя тый шляхтецъ подсвинка?

— Нѣ, не купи. Буду себѣ на сало годовать. Довольно своей семьи!... Да съ шляхтой и ни столкуешь... Вѣдомое дѣло, якъ ссадилися теперька съ панства, такъ и панства ихъ усе одно што наше житте.

¹⁴⁾ Полотенца.

¹⁵⁾ Понятливая.

Н-да, согласился Ѳедоръ. Свое сало, коли Богъ поводить, для закрасы куды сходнѣй, чѣмъ, значить, такъ страва ¹⁶⁾ икая, альбо горохъ...

„Одначе съ Трохимомъ плохая гуторка. А Пилипъ сидить, какъ мѣшокъ, думаль Ѳедоръ, вытирая кожухомъ капли поту на лбу: ему не быть што! Кажи за его на разные лады... Не легкая доля сватомъ быть!.. Хоть бы добрымъ часомъ до горѣлки добираться“...

Али стюжа, Легоновичъ, сказалъ Ѳедоръ, одушевляясь и потряхивая плечами. Настоящая зима!... А Пилипъ мой сидить, значицца, ему молодому ни по чемъ, а мои старьи кости продрогли... Да якъ продрогли!! Не тыи годы—правда, Легоновичъ? Кровь наша состарилася,—не грѣить...

Да-а, согласился Трофимъ: не подъ тую пору и деть... Приперлося наше дѣло къ стѣнѣ.

Ѳедоръ не зналъ въ какомъ духѣ поддерживать разговоръ о водкѣ, послѣ того, какъ холодная погода не оказалась пока достаточнымъ основаніемъ, чтобы „погрѣться“, и вопросъ, можетъ быть, оставался еще надолго открытымъ, если-бы въ эту минуту не

¹⁶⁾ Пицца.

вошла въ хату виновница всѣхъ тѣхъ событий, какія совершились въ описываемый день.

Ганка поспѣшно затворила дверь и потупилась у порога. На ней была новая само-тканная сподница, на головѣ красная хустка, на ногахъ новые черевички. Показывая видъ, что теперь только догадалась, что въ хатѣ сваты, она поспѣшила укрыться на печь.

Съ появленіемъ Ганки, сватовство вошло въ новый фазисъ и обѣщало, повидимому, дать прекрасные результаты.

Пилипъ, притворившись совершенно равнодушнымъ, сидѣлъ сначала, потупивъ взоръ въ землю, однако-жъ на лицѣ его стало появляться больше и больше любопытства. Чтобы не выдать своихъ чувствъ, онъ принялся дѣлать „дыгарку“.

Аксинья, убравши нары, сложивши дрова къ печкѣ и вынесши корыто въ сѣни, полѣзла къ Ганкѣ на печку и шопотомъ стала съ ней переговариваться, изрѣдка покрикивая на разшумѣвшихся ребятъ.

Ганка, сидя за „коптуромъ“¹⁷⁾, стала „выглядывать“ оттуда Пилипа: она осторожно высовывала голову и посматривала на не-

¹⁶⁾ За трубой.

го, какъ бы на какое заморское диво. Пилипъ, въ свою очередь, какъ будто поправляя армякъ, вставалъ съ лавки и старался хоть однимъ „вокомъ“ залѣзть на печь. Но вотъ онъ бросилъ цыгарку, затопталъ ее ногой, взглянулъ на печь и встрѣтился глазами съ Ганкой.

— Якъ я вижу, у тебе куды якъ чисто, говорилъ между тѣмъ Ѳедоръ. А ваше дѣло совсѣмъ остатнее! Ъдемъ мы съ Пилипомъ, а домъ и кинуть некому. Безъ бабы куды не зграбно!.. ¹⁷⁾.

Пилипъ при этомъ упоминаніи о „бабахъ“ сконфузился, подвинулся дальше къ порогу и „уперся“ лицомъ въ окно.

— Ну вотъ мы и пріѣхали, продолжалъ Ѳедоръ, да и не вѣдаемъ, што Богъ пошлетъ... у якую сторону, значить.

Наступила пауза. Ѳедоръ не рѣшался дальше откровенничать, и сколько онъ не всматривался въ лицо своего собесѣдника, никакого сочувствія своей рѣчи не замѣтилъ.

— Вижу я, сказалъ, однако, онъ, ваши порядочки, да и думаю, значить, штобъ отъ васъ да къ намъ трошку перейшло. Правду я кажу, Легоновичъ? У тебѣ не мѣстицца,

---

¹⁷⁾ Не хорошо.

у мене не хватаить. Ну вотъ намъ и надо говорить, чтобъ было кому ѣсти варить.

„Неужели-жъ про горѣлку и не вспомнить? думалъ Трофимъ, не слушая Ѳедора... Аксинья упрецца—кабъ зъ ее духъ вонъ, а то Ганку чего не отдать? По нынѣшнимъ годамъ, коли зъ лѣтъ вонъ, то и нихай съ хаты... Вотъ бы и выпили потроху“.

— Эта вѣрно-о!—протянулъ онъ равнодушно.

— Ну такъ што-жъ, Легоновичъ? Мы-шь усе-шь колись-то были у кумпанствѣ... Да и твой батька съ моимъ швагрой у сплавъ ходили, гонки гнали. А тепера мой Филиппъ, якъ видишь, и твоя Ганка...

— А што наша Ганка?—неожиданно отрѣзала Аксинья съ печи. Наша Ганка сама по себѣ, и никого ни чипаить...

„Нда-а, раздумывалъ Трофимъ: съ нашей Аксиньей не дужа сговоришь“.

— Што-шь тамъ такое, громко сказалъ онъ: а можетъ яны и за добрымъ дѣломъ пріѣхали!

— Мы ни якіи-нибудь, обидѣлся Ѳедоръ. Наша хамиля не пустяшная.. Мало што зовемся Хведоромъ, ти онъ Филипомъ, одначе по книгамъ пишемся Суплянды... И батька нашъ Суплянда и дѣдъ Суплянда... И Филиппъ

нашъ не хуже людей.. Во што!.. Потому съ Супляндовъ не было ни воровъ, ни лахудровъ... „Авой, ихняя гавѣнда, только голову мутить,—досадоваль между тѣмъ Пилипъ. Ти то сватали-бы, ти то домой ѣхали-бъ. А то сидишь безъ усякаго-усяго, даже вочи спяюща... Ета-жъ вонъ куды солнце перевалилося...“

— Пріѣхали, не пріѣхали, а наше дѣло—сторона, отгрызалась Аксинья. У каждаго своя дорога. Той туды, той оттуль. А мы ни за кѣмъ ни посылали... Во што!

— Да ты, Ивановна, не гнѣви Бога,—досадоваль Ѳедоръ, вставши изъ-за стола, и стараясь умилоствить Аксинью. Што мы не тутошніи? Ти мы Богъ вѣдаить откуль? Ти нашъ Пилипъ хуже людей? Ти ты нашего швагру-небошика не знала?... Гэта-шь завсегда такъ на людяхъ бываить... Вашъ товаръ, нашъ купецъ!

— Ета та-а-къ!—весело подтвердилъ Трофимъ, котораго „лидаикъ“ началъ снова душить.

— Ну, а если такъ, подхватилъ Ѳедоръ, то неси чарку ¹⁸⁾, а то уже совѣмъ не рано.

---

¹⁸⁾ Если хозяева соглашаются дать чарку, то сватовство можетъ окончиться благополучно.

— И чарка? А зачѣмъ чарка?—кричала на печи хозяйка.

— Якъ на што? Вѣдомое дѣло на што!

— Да ета вѣдомо... хотѣлъ подтвердить Трофимъ.

— Што тебѣ тамъ вѣдомо?—перебила его Аксинья. Ты вотъ лучше молчи, коли не пытающа.

Трофимъ „обсѣкся“, заморгаль глазами и не рѣшался выяснитъ, что ему «вѣдома».

— Дыкъ што-же будетъ, сваточекъ? И чарки мнѣ не даси?—приставаль Ѳедоръ. Во уже темно становицца, солнце за лѣсъ спустилося, Ивановна! Да што ты насъ такъ чураиеса!..—сказаль ласково Ѳедоръ, подходя опять къ печи. Спустися троху ниже да погукай ¹⁹⁾ съ нами, а можетъ мы тебѣ и не оприкрьмеса?...

— Што тамъ мнѣ ити-тъ? сказала она, слѣзая, однако, на нары.

— Во и ловко... Та-акъ. Да дощи чарочки: А ты, Пилицка, што сидишь, якъ малпа! ²⁰⁾ Иди, неси съ колесъ тое-сее...

Пилицъ моментально скрылся за дверью.

---

¹⁹⁾ Поговори.

²⁰⁾ Какъ мартышка.

а Трофимовъ ликъ совсѣмъ преобразился. Лицо его улыбалось до ушей, носъ заострился и издавалъ пріятное посвистыванье, глаза разгорѣлись и въ блескѣ ихъ ясно можно было читать: „ага-а-а! во-во!“

— Гдѣ-жъ чарка? рѣшительно сказалъ онъ Аксиньѣ: надо-жъ людямъ погрѣнца! Што-шь они ѣхали, ѣхали, да и помирать будутъ на дорогѣ?..

— Да чарка тамъ на кутѣ, — сердито сказала Аксинья. Ищи тамъ, подѣ Миколой! ²¹⁾.

Между тѣмъ Пилипъ втащилъ вышеозначенный бочонокъ съ водкой и поставилъ на лавкѣ къ столу вверхъ „дницею“.

— Ага-а! Во и ладно. Дай-ка, сваточекъ, бутѣличку. Во и чарка. Та-акъ. Во и спасибо. Тепера мы пойдемъ бесѣду строить... Ну, будь здоровъ! сказалъ онъ, опрокидывая рюмку въ ротъ. Дай-жа, Божа, што найлѣши!!

— На здоровье! Я, вѣдомое дѣло, сторона. Толкуй съ Аксиньей. Она у меня послѣ покойницы вся хозяйка и ахминстриня. „Да ты не кочеришься, подумалъ онъ по ея адресу. Во горѣлка и што тебѣ еще?.. А малецъ

---

²¹⁾ Т. е. подѣ иконой Чудотворнаго Николая.

сдаецца будеть тихъ, коли не въ матку уро-
діуся“.

— Ивановна! Ну што-шь ты насъ чу-
раисся, увивался около Аксиньи Ѳедоръ. Да
кинь дрова складывать. Успѣется работа. Ти
теперь коло загнуѣту ходить? Иди у нашу бе-
сѣду. Безъ хозяйки и толку нѣтъ.

Но Ивановна продолжала жеманиться.
У нея какъ нарочно работа къ рукамъ лѣзла.
Поднять ведра, поставить жбанки, смести лав-
ку, загнать курей подъ печь, выгнать пруса-
ковъ изъ миски, развѣшать онучи надъ че-
лесникомъ— все, казалось, теперь было са-
мымъ экстреннымъ дѣломъ“.

„Ганулину свадьбу сыграть куды, какъ
было-бъ лоуко,—думала она, перебѣгая отъ
наръ къ печи, а оттуда къ столу,— да свать
не дужа пристаеть“.

— Ну ближе, ближе, Ивановна! Ха, ха,
ха! усе ровню тое-на-тоє выйдеть—ти правду
кажу?

— Гэта та-акъ! протянулъ Трофимъ.

— Што тамъ тебѣ усе такъ? Кому такъ,
а кому и не такъ. Ты по-свойму, знацца, ра-
зуму, а я по-свойму...

— Да ты, Ивановна, веселѣй троху,—
смѣялся Ѳедоръ, забѣгая къ ней отъ печи и
хватая за руку. Плюнь на все, Ивановна!

Ходи, Пилипка, поможи хозяйку до столу тянуть!

— Ты, баба, не дужа чепурися... тебѣ, знацца, просятъ по уваженью, — замѣтилъ Трофимъ, котораго началъ разбирать досада за столь продолжительное лавированіе около водки.

— Што тебѣ? — захочу буду пить, захочу — не буду.

— Да ты хоть каплю пригубь! — уговаривалъ Федоръ, поднося чарку къ ея губамъ. — Во и ладно. Што тутъ спорить? Ну-ну-ну, во и всю. Ну, не кидай-же на дрожжи! Еще до веселля далеко-о.

Вышивъ рюмку, Ивановна долго „перехкала“, какъ будто шишка въ горлѣ засѣла. Однако-жъ лицо ея постепенно стало проясняться, и у всѣхъ собесѣдниковъ на душѣ отлегло.

„Ага, баба помалу отпускацца стала... Будеть бесѣда“, думалъ Трофимъ, запуская пальцы въ длинные нечесанные волосы.

— Ну што-жъ выпила, теперь ищи-тка чѣмъ закусить свату.

— Закусить? спохватилась Аксинья. Да што-жъ мнѣ вамъ дать закусить? Незванные гостики! Головка мо-оя! колбасы высоко...

— Тамъ возьми коло клѣти косу, раз-

рѣшь кольцо—ено и звалица, наставительно замѣтилъ Трофимъ.

У Ивановны и тѣни не осталось прежняго упрямства. Она мигомъ очутилась въ сѣняхъ, отрѣзала „кольцо“ колбасы достала съ печи щепокъ и стала разводить огонь на загниѣть.

Вмѣстѣ съ полоской свѣта, распространившася отъ загниѣта по хатѣ, продился новый потокъ благодушія въ сердца собесѣдниковъ, и выгладины все больше и больше расцвѣтали. Только Пилипъ попрежнему сидѣлъ на одномъ мѣстѣ сумрачный.

Ганка, которой давно уже надоѣло сидѣть на печи, съ нетерпѣнїемъ ожидала, скоро ли сватовство подойдетъ къ болѣе положительной сторонѣ.

— Ну, што-жъ ты, Пилипка,—обратился, наконецъ, отецъ къ сыну,— сморкотился ²²⁾, сидючи въ гостяхъ! Подожди, повеселѣешь. Дай-тка хозяйкѣ развеселица... Во гляди-тка, икая хозяйка спрытная! Ужо и колбасы на столѣ! Во гдѣ порядочки! Не то, што наше бобыльство! Однимъ духомъ своротка въ хозяйство!.. А што жъ наша голубочка? Одна

²²⁾ Со-кучиль.

сидить за печью, — бѣдненькая! Всѣ ея покинули... Небось, дѣвонька, я за тебѣ заступлюся! Я тебѣ въ обиду нико-о-му не дамъ!.. Зови, Ивановна, нашу голубку... Пилипка, ты бы самъ такъ-сякъ коло печи потерся-бы!

— Кхъ, кхъ, закашлялъ Пилипъ, съезживаясь и утирая градомъ катившейся потъ: теплый кожухъ и бѣлый армякъ его достаточно согрѣли. Какъ тутъ ему ухаживать за Ганкой? „Нихай лѣзить, коли хочить, — подумалъ онъ. — Нечего тамъ на паню хварѣть!“

— Што-жъ ты сидишь, якъ куль? Молодой — стыдаица! Усе мнѣ за васъ кости ломать приходица!

— О-охъ! — простоналъ онъ, поднимаясь на нары и хватаясь за прищечекъ. Во ина гдѣ! Ходи тка, ходи, моя зезюлька!

И Ѳедоръ сталъ тащить Ганку.

— Ходи жъ, рыбка моя, небось. Во-во. Сюды ступь ножкой — разъ, во сперша гэтой ногой, тады гэтой, во и на землю. А теперъ къ столу. Во и ладно!

Гануля при свѣтѣ коптилки сгорала отъ стыда и закрывала лицо руками.

— А или ты! Я не пойду, — визжала она. Я ни за што ни пойду.. И горѣлки пить не буду.

— Ну, пригубь же хоть капельку—настаиваль Ѳедоръ, одной рукой держа рюмку, а другой таща Ганку ближе къ столу.

— Выпей, чего сватней горѣлки чураишься? — строго замѣтилъ отецъ. Дѣло такое...

— Якое тамъ еще дѣло? — перебила его недовольная Актшья. Тебѣ што — ти есь якое дѣло, ти нѣтъ?... Выпей, Ганулька, капельку...

Ганка выпила глотокъ и стала чихать: А Пилищъ улыбался, отплевывался и подумаль. „ишь, чоховка проняла... Ничего себѣ, все-таки у плечахъ,“ — продолжалъ онъ разсуждать съ собой, разматривая Ганку въ профиль. — „Больше видно у батьку уродилася“.

Гануля, какъ только выпила, тотчасъ же бросилась на печь и спряталась за припечкомъ.

— Ишь икая соромная! Скорѣе съ людскихъ вочей, говорилъ Ѳедоръ, поспѣшно наливая Трофиму рюмку. „Ну будь же здоровъ, сватуля! Пей до дна! Наливай еще хозяйкѣ! Ивановна, сюды еще! Рюмочка за тобой!“

— Вотъ люблю такихъ людей, кричалъ Ѳедоръ, разгоряченный успѣхомъ „дѣла“: слава Богу, наша бесѣда удалася!..

— А-ахъ, якъ я уподобаль тебѣ, Семеновичъ, говорилъ въ свою очередь Трофимъ.

У тебѣ лицо такое набожное, и самъ ты такой пріятный, ласковый, вѣтлый...

— Што и говорить, перебила его Иванова, съ Симоноваго рода люди не пустяшныи! Всѣ до порядку...

— Да и у васъ порядочки идутъ — хула табѣ Бога, и скотинка, и птаство ведеца, — хвалиль хозяевъ Ѳедоръ. И у кутуху, видно, овечки окатилися въ добрый часъ!..

„А-вой батька тянетъ ни туды, ни сюды, думаль Пилипъ. Сиди, потѣй. И коли ихняя бесѣда кончицца?“

— Пилипка! Сунься къ намъ, сказалъ Трофимъ, подходя къ будущему зятю. Што ты отодвинууся отъ бесѣды къ жорнамъ. Сунься ближе. Пей къ Аксиньѣ!

Пилипъ кивнулъ головой къ Аксиньѣ и со всего размаху хватилъ полрюмку и отошелъ на свое мѣсто...

Я не буду касаться того, какъ собесѣдники за доброй веселой бесѣдой сроднились, сдружились, отыскали родню десятаго поколѣнія, десятки разъ цѣловались и призывали предковъ во свидѣтели, что они всегда были пріятелями. Я не буду также описывать двухъ Петроковъ Сиворыловъ, Левоники беззубой,

позванныхъ въ гости, не буду приводить той рѣчи, которую произнесла Прузына Криворотая по случаю столь счастливаго исхода „выглядинъ“. Было уже далеко за „первые пѣтухи“, когда два Петроки цѣловали Ѳедора и называли его „сбратдѣтнымъ братомъ чиризъ швагру“, когда Ивановна въ третій разъ жарила колбасы, когда Филиппъ ѣздилъ „шукать“ цотаенной горѣлки къ жидамъ, такъ какъ бочонокъ давно былъ порожній. Трофимъ нѣсколько разъ цѣловался съ Ѳедоромъ у „самыи вусы“.

— Вѣдомое дѣло, мы, знацца, тепера во сватахъ, --говорилъ онъ, налегая на его плечо: и не любимъ, знацца, фанабѣрливыхъ. -- Ни уважаемъ, знацца... А што моя хозяйка. то пна хоть и брахливая...

— Ты уже лучше молчи, -- съ гнѣвомъ набрасывалась на него Аксинья, -- коли языкъ доугій... Што ты тамъ говоришь безъ путя?.. Ты во лучше сосѣдей угости... Видишь усе захмарилися...

— И гости по насъ, и гости... по васъ... И мы по гостямъ... говорилъ безсвязно Трофимъ, упавши на столъ.

Уже совсѣмъ было свѣтло, когда „выглядины кончились“. Гости были свидѣтелями, какъ заключены были условія насчетъ свадьбы, Свадьба назначена была черезъ двѣ недѣли. Гости расцѣловались и разъѣхались, „Закармливаніе“ же было устроено у Трофима въ четвергъ на второй недѣлѣ послѣ „выглядинъ“, когда были выработаны всѣ детали свадебнаго условія. Во-1-хъ, Ѳедоръ обязался послать свата за невѣстой съ двумя гарцами водки, дружина сватова должна „сложить одинъ рубль за кссу молодой“, а родители ея обязались „наготовить“ скрыню и постель, при чемъ послѣдняя должна быть перевязана краснымъ поясомъ съ „кутасами“. Гости, оканчивая закармливаніе, долго цѣловались, благодарили другъ друга за доброе согласіе и уѣхали къ попу „заказывать заповѣди“ ²³⁾ и условиться насчетъ платы за вѣнецъ.

II.

Ѳедоръ всѣ мѣры употреблялъ къ тому, чтобы свадьба сына не послужила бы предметомъ какихъ-либо „несуразныхъ“ разговоровъ, чтобы по „стариковскому“ все было

²³⁾ Давать деньги за оглашеніе и за вѣнчаніе.

отпѣто, отчитано, чтобъ „людцы добрыи дзякували“, добромъ поминали, „у вѣчи не плевали“. Родственники были приглашены отъ братьевъ и швагровъ до отдаленныхъ сватовъ-сватанцевъ, двухъ „збратдѣтныхъ“ тетокъ, крестныхъ родителей. Кулина и Марта, хотя въ «родню и не дужа вхожи», но оказались въ числѣ приглашенныхъ на свадьбу, потому что „якъ же можно безъ ихъ порядокъ вести?“ Чаровникъ Микола Пузанъ также получилъ приглашеніе, хотя Ѳедоръ въ душѣ и готовъ бы его помеломъ вонъ вытурить изъ хаты, но кому жъ охота „спирацца съ нечистой силой?“ Каждому изъ васъ не одинъ разъ приходилось уже слышать, какъ легко чаровнику „чмуръ на домъ вспустить“. Еще не такъ давно (лѣтъ 10 тому назадъ) у Симона два сваты въ волковъ обратились, а дуда изъ рукъ музыканта Терешки отлетѣла къ порогу и „рудѣла, якъ живая“. А все, говорятъ, Пузанова работа была: Пузану водки было мало, а, можетъ быть, такъ „въ сердцахъ наробиу дѣловъ“.

Удивлялись деревенцы, какъ это Ѳедоръ все по закону выдержитъ. „Достатки“ его плохи, коровы не ведутся, токъ не починяный, хата топится другой годъ хворостомъ, свиньи чуть ноги таскають. Но Ѳедоръ рѣшилъ

„отбалевать настояща“. Рыжая корова, несмотря на протесты Авгиньи, была продана Авсею за 18 руб., четверо овецъ еще раньше были отданы Хаськѣ. Продавъ также Федоръ пеньку, ленъ, какой былъ отъ прошлаго года, а отъ настоящей осени пришлось продать 1½ бочки картофеля и четыре овчины. И, несмотря на то, на вырученныя деньги всего лишь куплено 6 ведеръ водки и двѣ полбутылки. Конечно, по нынѣшнему „сѣттю“ съ съ этимъ количествомъ водки не разгонишься. Да что подѣлать? „Винопольскіе“ порядки заѣли людей! Въ давніе годы за „тое самое“ вонъ сколько бывало возьмешь и въ горлѣ она лучше „дерить“, а эта и при „всей формѣ“ и идетъ гладко, да зато человекъ съ него не валится, и денегъ — только давай!

На свадебную закуску гостей было зарѣзано два барана и съ самаго начала осени была собрана цѣлая кадочка ногъ — поросячьихъ, гусиныхъ, изъ нихъ то и приготовлено четыре большихъ „мисы“ квашанины.

Наканунѣ перваго дня свадьбы, еще солнце не успѣло за лѣсъ спрятаться, какъ толпа дятюковъ и дивчатъ изъ сосѣднихъ деревень уже направлялась въ Кривулино, оглашая сосѣдній лѣсъ свадебными пѣснями. Любители

легкихъ танцевъ шли на свадьбу безъ всякихъ приглашеній. Всякій челоѣкъ, какъ извѣстно, „хочетъ на весельи побыть“, потому такъ отъ старыхъ людей ведется, что на „веселле идешь съ вочами, а на христины съ животами“²⁴).

Всей толпой предводительствоваль знакомый читателю Юрка. Онъ поминутно отдѣлялся отъ толпы, весело подпрыгиваль, кривлялся, заранѣе подготовляя ноги къ „лѣнтяю“ и другимъ „хранцузскимъ плясамъ“, потомъ „со всего размаху“ набрасывался на дивчаты. Дивчата съ визгомъ разбѣгались въ стороны. Болѣе всего Юрка „увивался“ за Настой, изъ деревни Беззубина. Наста, — быстроглазая дивчина, — была предметомъ давнишняго его ухаживанья. Настинъ голосъ звенѣлъ въ воздухѣ, какъ колокольчикъ, и Юрка напрягалъ всѣ усилія, чтобы она побольше „животы надрывала“. стараясь при этомъ въ такіе моменты „облапить“ ее своими длинными ручищами. Двѣ Прузынинныхъ дочери и Пахомовы падчерицы въ такихъ случаяхъ защищали Насту, нанося удары Юркѣ во всю свою „дѣвоцкую мочь“.

---

²⁴) На свадьбѣ много чего интереснаго есть посмотреть, а на крестинахъ все удовольствіе въ ѣдѣ и питьѣ.

— Али-шь его и бить—дыкъ рука заболить... Во атопокъ! Якъ дерево!—смѣялись Пахомовы падчерицы.

— Ты луи здаровѣй, — говорилъ Юрка, подставляя спину... Ну, колоти!.. Ага-а! Али-шь и бьесся.. мусить удава будишь... Смотрите, дивчата, а вунъ хто?

— Э-э-э! Эта-жъ замоскіе мальцы!—сказала Наста, указывая на другую партію дятюковъ, выходявшихъ изъ опушки лѣса.

— Што ты эта, Юрка, подскокомъ?... Ха-ха-ха!—закричали замоскіе мальцы, подбѣгая къ толпѣ.

— Го-го-го-го! гоготала толпа. Ловокъ... у тансць итить!

— Куды эта!—спросилъ Юрка.

— Къ Федору, на веселье.

— Тамъ эдакого подребязья не надо...

— У тебе не спрашивали... Самъ идешь безъ зову...

— Хто я—безъ зову? Брешишь! Эта я только за мальцами да за дивчатами ходіу, а мое дѣло у братеникахъ...

— Ага-а! Во што... А у якимъ ряду Федорова хата?

— А во сичасъ увидите... А гдѣ жъ мальцы, Марьичка?—спросилъ Юрка,

— Марьичка? Икая—Харитонова?

— А на што ина табѣ?

-- Ага, поплачешь безъ Марьички!— смѣялись дѣвчата изъ замоской партіи.

— Ишь, ласый,—закричали Прузынины дочки. Тутъ Насту забавляють, а про Марьичку думать... Жирно будить!.. Ты думаешь, для тебя уси дѣвки?

-- Да я васъ всѣхъ дѣвокъ въ одну охапку подниму и куды хочу, забрешу... Потому, вашего брата усюдахъ... Только до Змитри ²⁵⁾ дѣвки хитры, а тады зъ Михайлы...

-- Бей, дивчаты, его,—прохвоста... Што ета снѣ брешить, якъ собака!—закричала Наста. И вся толпа набросилась на Юрку. Юрка началъ выдѣлывать такіе преуморительные прыжки и „подскоки“, что всѣ опять расхохотались и вскорѣ слились въ одну общую „ватагу“ и запѣли:

„Веселія наша“...

На Ѳедоровомъ дворѣ между тѣмъ кирмашъ-кирмашемъ гудѣлъ. Званные гости пріѣхали на лучшихъ коняхъ, на новыхъ карофашкахъ. Кони рыжіе, стрекатые, пѣгіе въ упряжи, съ расписными дугами, со звонками разныхъ калибровъ, были привязаны около

---

²⁵⁾ Димитрія Соядунскаго.

сарая и около плетня, а нѣкоторые стоятъ прямо противъ оконъ и ожидаютъ, скоро ли ихъ хозяева „доведутъ ихъ до порядку“? Шумъ свадебный поднялъ на ноги всю деревенскую дѣтвору и подростковъ. Давно они не видали такого праздника! Ребята прибѣгли въ однѣхъ рубашонкахъ или въ длинныхъ, тянувшихся по землѣ, армякахъ, и теперь совсѣмъ поси- нѣли на холодѣ. Они съ любопытствомъ перебѣгаютъ отъ одного коня къ другому, глядя ихъ, хватаютъ за морды, потряхиваютъ дуги и услаждаются колокольнымъ позвяки- ваньемъ.

— Пойдемъ, мальцы, тому коню хвостъ развяжемъ!— кричитъ кудлатый мальчишка подпрыгивая въ маткиной кофточкѣ.

И большая толпа „мелюзги“ подбѣжала къ „стрекатому“ коню и уже хотѣла уцѣпиться за хвостъ фыркавшего коня, но неожиданно подскочилъ одинъ изъ гостей и, „целесонувъ“ по спинамъ „головорѣзовъ“, заставилъ ихъ разбѣжаться въ стороны. Ребята, почесывая спины, „кубаремъ“ перелетали черезъ изгородь и ругали свата „халерой“.

Между тѣмъ съѣхавшіеся гости столпи- лись около входа въ хату, здоровались и цѣ- ловались другъ съ другомъ; другіе принялись порядковать коней, безпрестанно повторяя, что кони „на стюжѣ поколѣютъ“, будынки

Федоровы плохіе, „денникъ“ обвалился, а въ хлѣву только двухъ коней съ великимъ трудомъ всадили въ сосѣдство къ вышеописанному кашуку Федора.

— А ты, сватуля, давно? спрашивалъ своего сосѣда мужичокъ въ сѣромъ армякѣ съ перевязанными крестъ-на-крестъ „рушниками“, покрывая коня старой, грязной попоной.

— А давно... Еще солнце у три ляхи было... Наше дѣло обратдѣтное. Мы Федору, значить, свои!.. хвалился бѣлый кожухъ, перепоясанный краснымъ поясомъ съ кутасами.

— Дыкъ ты уже усю горѣлку поціу—вовкъ тебе зѣшь!

— Досать, сватуля, и тебѣ будетъ! Федоръ не благій ²⁶⁾ человекъ; гостей не обидить, хоть и достатки не дужа большіи... А гдѣ твоя Прузына, Ивановичъ?

— А тамъ уже съ бабами бесѣду развела. Къ бабамъ ее сдавъ на руки...

— Ага... А конь ета у тебе тый самый?

— Тый самый... Только вотъ хвостъ подвязау... такъ енъ только храбрицца, а дома пустяшный конь... Только для сохи...

— Да, нашему брату абы пахотникъ... А разгонишь на большого, дыкъ и въ лапы

---

²⁶⁾ Не худой.

къ коноводу... Коноводовъ развелось — жить не можно!

И съ этими словами бѣлый кожухъ нагнулся въ коляску и помогъ вытащить Ивановичу свадебный хлѣбъ, половину печенаго барана и булку пшеничнаго хлѣба, купленнаго въ еврейской лавкѣ ²⁷⁾.

Съ этой ношей друзья, кулясь по грязному двору и цѣпляясь за плетень, подошли, наконецъ, къ хатѣ, но въ дверяхъ неожиданно застряли: тутъ прохлаждалась вышеозначенная толпа дятюковъ и дивчатъ. Юрка стоялъ, обнявшись съ Настой, и лучъ падающаго изъ истопки свѣта позволялъ разсмотрѣть его новый „шляхетный“ костюмъ ²⁸⁾. Помимо суконныхъ брюкъ, пошитыхъ „на выпускъ“, на немъ пестрѣлъ новый фабричный пиджакъ, а въ рукахъ — плисовый платокъ, отнятый у Насты. Онъ корчилъ преуморительныя рожи и, нигибаясь, нашептывалъ „кукульменты“, то Настѣ, то Пахомовымъ падчерицамъ.

Сваты стали пробивать себѣ дорогу сквозь толпу парней, дѣвокъ, бабъ, спотыкаясь на выставленныя ноги, на жорны, на ко-

---

²⁷⁾ Важнѣйшіе изъ гостей, въ благодарность за угощеніе, обыкновенно привозятъ свой хлѣбъ и печеное мясо, а иногда покупаютъ и пшеничные пироги.

²⁸⁾ Сшитый по городской модѣ.

рыто. Уже къ этому времени свадебный крикъ и гвалтъ наполчилъ всё закоулки Ѳедоровыхъ будынковъ. Слышались самыя разнообразныя возгласы. „Сюды, сюды, бабынька! Пропустите бабыньку!“... — „Перекидывай черезъ головы армякъ“... — „Лови хустынку, Прокопиха!“... — „Лови мою кожарку!“ — „Отступите отъ печи, воронне! — Дайте бабѣ изъ печи хлѣбъ вытянуть!“ — „Ай, стиснули мальчика!“.. — „Сяди ты его, плюгавца на печь! — Во люде-е-ей?“ — „Дайте вы бѣду пройти“.. — „Гони ты, Аксинья, усю мелкоту на палати!“ И чего нельзя было перенести, передавалось, перекидывалось черезъ головы, руки поднимались, хватали, перебрасывали. Бабы во весь голосъ сзывали свою компанію, мѣжчинъ приглашали въ истопку „погрѣться“.

— Да вы, братцы, отхинитесь, — кричалъ свать Ивановичъ, а то можно хлѣбъ придавить. Отхинись, Банадысь!.. Коли еще тамъ ваши плясы!.. Держи ты, Прокопъ, управо!.. Во натискалося... Тѣфу ты! Ахъ спотѣу... Дай по чаркѣ каждому, и то сколько разоидецца!.. А-а, во и Ѳедоръ!

Ѳедоръ стоялъ въ истопкѣ и весело улыбался сватамъ.

Ого-го! Барана принсесь? — говорилъ онъ, троекратно цѣлуясь съ Ивановичемъ. Клади

сюды. На столъ, съ етаго конца... Да ходи грѣйся... И пирогъ принеси? Та-акъ. Клади у мѣсто. Послѣ бабы разберуть... Ну, теперь подходите, сваточки: турбовалися, смерзли... Погрѣйтесь съ дорожки... По другой... Можно и тебѣ, браточекъ! Усе ровно за одно... Слава Богу сына женю. По крайности на человѣка вывожу... Благодарить Господа: людцы гулять найшли!.. Ну, теперь пойдѣмъ къ гостямъ... Покалякаемъ... А ты, Ивановичъ, што жъ сестренку не везъ?

— А ина нѣшта кречить... Ти гэта, можа, отъ кохлика ²⁹⁾, ти можа съ суроцу ³⁰⁾... Якъ начала чахнуть, дыкъ и чахнуть...

И гости тѣмъ же маршрутомъ протиснулись чрезъ сѣни въ хату, гдѣ старики позаняли всѣ мѣста на лавкахъ, а молодежь нахлынула впередъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, скоро ли начнется свадьба.

Всѣ палати, припечекъ, пеколокъ ³¹⁾ запечекъ были заняты ребятами, которыя, свѣсивъ внизъ головы, внимательно разсматривали публику, указывая руками и смѣясь во всю ширину своихъ закоптѣлыхъ лицъ. Вмѣстѣ съ струей холоднаго воздуха врывается въ хату

²⁹⁾ Кашля.

³⁰⁾ Съ дурного глазу.

³¹⁾ Мѣсто около трубы.

шумъ и гамъ изъ сѣней. Каждый изъ незваныхъ гостей старается какъ-нибудь пробраться впередъ, къ столу, къ нарамъ, чтобы получше разсмотрѣть, „што въ хатѣ дѣется“. А кто не танцуетъ и кому придется въ продолженіе длинной ночи довольствоваться однимъ лицезрѣніемъ и куреньемъ корешковъ, тиснулся къ стѣнѣ, къ лавкамъ, дабы хоть немножко „прихинуться“, иначе ноги могутъ „подкоситься“ и заболѣть „середина“. Дѣвчата сбились въ одну пеструю кучу между нарами и столомъ и приглаживаютъ волосы, завязываютъ хустиночки. Къ нимъ съ боку примкнулъ Юрка, потряхивавшій кудрями и таращившій глаза на „дѣвоцкія прилады“.

Дѣвчата внимательно присматриваются ко всей свадебной церемоніи. „Усе-жь и намъ можно якого Пахома Богъ пошлетъ, разсуждаютъ онѣ: якъ же не тиснуцца, люди тиснуцца и мы тиснимся... Поглядимъ, поучимся, штобъ намъ соромно не было“...

— И я для того пришла, шепчетъ Миколаихина, тщедушая дѣвчинка въ чирвоной суконкѣ и „бувольничной“ кофть³²⁾, своей подругѣ: мене матка и наставляла, штобъ я усе разглядѣла...

³²⁾ Бумажной.

— А коли-жъ эта свадьба начнецца?— роптала, какъ ракъ, красная быстроглазая Маланка, Курилова сестра. И посаженной матки не чувать... Безъ ее и толку нѣту-ти. Хоть бы скорѣй, а то стой якъ пень... Старые пипки палють и бубнять хто сабѣ... А мальцы мѣтусацца безъ пользы, а къ намъ и прихинуцца не хочуть..

— Вотъ Юрка ужо коло Насты, — смѣялась Пахомова падчерица... а къ намъ и не подходитъ. Расфорсіуся, што у новомъ кульку ³³⁾... А Наста, глядите дѣвоньки, ужо хихикають... Уплела у косу чирвоную истушку ³⁴⁾, начапила новыя завушники ³⁵⁾ и думайть большая птушка!..

Въ хатѣ стало темно отъ накуренаго табаку, въ воздухѣ ощущался сильный чадъ отъ вытопленной печи, въ которой жарились и варились свадебныя яства: печенка, квашанина, клецки, крупеня, юшка.

Прусы и тараканы, прогнанныя съ печи, метались въ беспорядкѣ по потолку, по стѣнамъ, по окнамъ, не понимая, зачѣмъ это нарушили ихъ спокойное запечное житье, и по временамъ сваливались на столъ, при чемъ

---

³³⁾ Въ новой пиджачной парѣ.

³⁴⁾ Ленту.

³⁵⁾ Новыя серги.

засѣдавшая за столомъ публика хлопала по нимъ голой ладонью или шапкой, приговаривая: „ишь, хварѣй твоя голова!“

— Пропустите батьку!—вдругъ загомонили въ толпѣ.

И всѣ лица поворотились къ порогу. Оедоръ велъ за руку посаженую мать—Кулину Потаповну.

Публика повеселѣла. «Ага, думали дѣвчата, во и къ свадьбѣ ближи... Во ина—Кулина! Попала у пани... Ну и наробить же дѣлоу!» Дѣйствительно, Кулина была способна „надѣлать дѣлоу“, потому „пожила довольно на свѣтѣ“. „Усякій челоуѣкъ до Кулины интѣресъ маить!“ — говорятъ кривулинцы. Помреть кто—она первая «у гробъ его ладить», родится—бабить, „зелками“ обкуриваетъ, отъ „суроцу“ отчитываетъ, женится кто—въ „маткахъ“ веселье гуляетъ, „законъ“ соблюдаетъ, пѣсни заводить.

Пискнула скрипка. Банадысь Глякъ началъ „доводить струны до цимбаловъ“. Цимбалистъ Якубъ Щурлыга на разные лады сталъ отбивать, то «надпуская, то подпуская» струны «ключомъ». Голова его нагибается къ цимбаламъ, опять поднимается и при разнообразныхъ ударахъ „въ двѣ руки“ болтается во всѣ стороны.

Началось приготовленіе къ веселью. Вышелъ изъ толпы Пилипъ, поцѣловаль отцу руку, отецъ благословилъ его и обвелъ вокругъ себя три раза въ тактъ заунывнаго марша, сыграннаго скрипкой и цимбалами, при чемъ Пилипъ, закрывъ глаза рукой, тихо плакалъ. Затѣмъ Потаповна обвела его вокругъ себя также три раза, послѣ чего Пилипъ поклонился ей до земли и поцѣловаль ей руку. «Нихай табѣ, Пилипка, Богъ даетъ якъ найлепи», сказала Кулина, благословляя его. Въ публикѣ во время этой церемоніи царила глубокая тишина. Пилипъ сталъ кланяться каждому изъ гостей. Гости благословляли его и громко цѣловали. Пилипъ сначала обошелъ около лавокъ, гдѣ сидѣли старики. Старики на это время вытягивали свои цибуки изъ ртовъ и высказывали свои благопожеланія кланявшемуся имъ до земли Пилипу. Потомъ перешелъ въ дѣвоцкій станъ, полѣзъ на припечекъ, на печь, затѣмъ отыскалъ гостей въ сѣняхъ и даже на дворѣ.

Послѣ этой церемоніи начались танцы. Танцоры очистили въ публикѣ небольшой кружокъ, приблизительно въ одинъ квадратный сажень, и на этомъ кусочкѣ хаты, изрытомъ выбоинами, танцовать умудрялись кадрилъ въ шесть паръ „крыжь-на-крыжь“,

„питкевича“³⁶⁾ съ подскоками, польку, „ицыка“ съ раскидываніемъ ногъ и припѣвомъ („Ицыкъ бульбу капау“), „линтія“ въ нѣсколько паръ. Парни, болѣе легкіе на ногу, много потѣшали публику «крыжовымъ» казакомъ «у присядку»; на смѣну имъ явились дѣвчата безъ участія мужского персонала, протанцовавшія «Левониху» и, наконецъ, не удержались на мѣстахъ и шепелявшія старушки, при чемъ Потаповна съ Рыпиной Криворотой, къ удивленію публики, топали ногами не хуже дѣвокъ и подслащали свой танецъ напѣвомъ: „а пустите-жъ вы насъ. ти не лѣпи мы за васъ!“ За ними вышли въ кругъ новыя старушки, которыя напѣвали: «ай, Левониха, бочка, бочка, бочка, разгулялася дочка, дочка, дочка!» Новая пара напѣвала: «ай, мати, телушечка, разгулялася дочушечка!»... Въ заключеніе цимбалистъ предложилъ „сходить падушечку“. Танцоры образовали большой кругъ. Юрка вышелъ на средину, обвелъ дѣвокъ глазами и пригласилъ въ кругъ Насту, повертѣлся съ ней и поцѣловался. Его смѣнила Наста, которая тихимъ голосомъ запѣла:
„Падушечка, падушечка, а ты пуховая!
„Молодушка. молодушка, а ты молодая...

³⁶⁾ Питкевича танцуютъ съ припѣвомъ: „Два на ели, два подъ елью, два на вытяжку стоять!“...

„Кого люблю, кого люблю, того поцѣлую,
„Пуховую подушечку тому подарую“.

И пригласила въ кругъ Никитоваго мальчика. Юрка при этомъ нахмурился, встряхнулъ кудрями и плюнулъ въ сторону.

„Падущечка“ тянулась долго, пока вся молодежь не перекружилась съ дѣвчатами.

Но вотъ уже пропѣли „вторые пѣтухи“. Старики заговорили, что „пора уже пироги бить, за столъ садить“, и танцоры, которыхъ ноги окончательно развинтились, къ великому огорченію, должны были отодвинуться къ порогу, и дать мѣсто хозяйкамъ приготовить вечеру. Столы были покрыты бѣлыми скатертями, хозяйки принесли каравай, нѣсколько бутылокъ водки, поставили печистаго, колбасъ, положили два небольшихъ каравайчика, которые служатъ нѣкотораго рода тимпанами при началѣ свадебныхъ пѣсенъ.

Старики собрались около стола и начали совѣтываться, кому „пироги бить“ и веселье начинать. Нужно было выбрать человѣка, который былъ бы «на слезы твердый», чтобы отъ „жалобныхъ“ пѣсенъ не расплакался. Поспорили старики и рѣшили, что лучшаго оратора (онъ явится впоследствии въ этой роли) и заводчика свадебнаго, какъ Миронъ Сиволобъ, и съ огнемъ не сыскать.

— Нихай бы біу хто покрѣпчайшій, отговаривался Миронъ. Мое дѣло старое. Я изъ лѣтъ вонъ. Свое отбыу. Нихай хто другій столько проживеть!..

— Ладно, дѣдуля, ты у насъ уже не одну свадьбу гуляешь и порядки веу по закону, да теперъ же и на суддю насадили. Ни якій-нибудь ты человѣкъ, коли у волости коло дѣловъ ходишь...

„Недавно насадили, а уже мозгами начинается крутить... Ой, Миронъ—хитрая штука!“—думалъ его сосѣдъ Курила Безпятый.

— Да што-жъ? Ты хоть и недавно насаженъ,—сказалъ онъ громко: да лоука порядки ведешь... Разобрау бабылкино дѣло намедни ³⁷⁾—куды якъ спрытно!

— Объ Мирону и толку мало,--заговорили всѣ. Нихай бьетъ пироги, лучше ништо ни побьетъ!

Что было дѣлать? Не итти вѣдь противъ міра? Вы уже знаете, что безъ міра—„рады“ нѣтъ, а какъ міръ „установы заведеть“, такъ другому, хоть бы и хотѣлъ, некуда выскочить. И Миронъ согласился взять на себя бремя „бить пироги“. Онъ громко кашлянулъ, вынулъ изъ-за пазухи рогъ съ табакомъ, по-

---

³⁷⁾ На-дняхъ.

сыпаль около большого пальца „нюхъ“, преподнесъ его къ носу, потянулъ со свистомъ сначала одной, потомъ другой ноздрей, затѣмъ обтерся полонъ кожуха, кашлянулъ и громко чихнулъ.

Эта интродукція заставила окончательно затихнуть свадебный гуль. Всѣ головы обратились къ столу. Задніе ряды поднялись на цыпочки, облокотились на плечи сосѣдей, ухватились за крюки на стѣнахъ, а нѣкоторые вскочили на лавки на нары.

Миронъ сдѣлался центромъ вниманія. Онъ подошелъ къ столу, взялъ въ руки два маленькихъ каравайчика, перекрестился и громко проговорилъ:

— „Проша музыку не играть, дайте веселля зачать! Божа благослови!“.

Публика въ одинъ голосъ повторила: „Божа благослови“.

Миронъ, ударяя каравай одинъ о другой, запѣлъ жалобно-пескливымъ теноромъ:

„Божа слау, Божа слау

„Веселля играть!

„Да чіе-жь, да чіе-жь?

„Да Пиликково-о-о-о!“.

Мотивъ этой пѣсни (пропѣтой Мирономъ три раза) начала „выводить“ музыка, переходя въ концѣ на самыя высокія ноты на квинтѣ.

Послѣ музыки начали прочищать горло бабы. Онѣ долго откашливались и „перехали“. Имъ предстоитъ трудная перспектива—перепѣть все свадебныя пѣсни, которыя соотвѣтственно хода событій нужно измѣнять на разные мотивы, и такъ часто требуется зычность и веселость отъ ихъ бабскаго горла.

Бабы раздѣлились на два хора. Одинъ помѣстился въ „кутѣ“³⁸⁾, другой на концѣ стола. Въ первомъ хорѣ преобладающимъ голосомъ былъ (въ средѣ всехъ шести бабъ) голосъ посаженной матери Кулины, а во второмъ «наводила на линію»—Изахватиха—замужняя сестра Ѳедора.

„Божая радочка перелетѣла

„Чиризь гѣту будынинку свяцоную!“—
началь 1-й хоръ во весь голосъ.

2-й хоръ продолжаетъ:

„Чиризь гѣту будынинку свяцоную,

„Чиризь гѣту бесѣдушку веселую“.

Послѣ этой пѣсни веселье постепенно начинаетъ вступать въ свои права. Въ публикѣ ощущается желаніе развернуться, разойтись во всю ширь, «загомонить». И шумъ увеличивается *crescendo*. Музыка все усилія

³⁸⁾ Въ красномъ углу.

напрягаетъ къ тому, чтобы публика наэлектризовалась свадебными мотивами. Она не знаетъ ни отдыха, ни сроку, «рѣжетъ» во всё лопатки, а цимбалистъ во всю мочь «лопать» по струнамъ и вытираетъ со лба потъ.

Званные гости, по приглашенію хозяина, стали занимать мѣста за большимъ столомъ, при чемъ «комлевый» ³⁹⁾ свать занялъ мѣсто подь «божницей», а бабъ размѣстили на второмъ столѣ, рядомъ съ мужчинскимъ.

Занявъ мѣста, гости продолжали гомонить и до яствъ не прикасались. Федоръ принесъ изъ истопки полную запазуху бутылокъ съ волкой и разставилъ ихъ передъ мужчинами и бабами, а что на столѣ не помѣстилось, онъ отнесъ на окно.

Теперь по установившемуся обычаю, нужно выслушать пѣсню, которая имѣла цѣлью повліять на настроеніе жениха, который сидитъ гдѣ-нибудь тихо въ сторонѣ и не принимаетъ въ общемъ шумѣ никакого участія.

Бабы опять раздѣлились на два хора.

— А знать Цилипка по веселлику.

Што ни мамухна женить, — началъ первый хоръ.

---

³⁹⁾ Главный.

Столы застланы, гости собраны,
Порядочку нѣ-ѣтъ! — продолжаетъ второй:
Найми, Пилипка, хоть соловейку,
Соловейка — скорая пташка:
Енѣ скоро злетайть,
Скоро злетайть, жалко вспивайть,
Мамульку взбужайть:
— Устань, мамулька, устань родненькая,
На одинь часочекъ,
На одинь часочекъ — на вечерочекъ, —
На благословенье!
— Рада-бы я встати
Къ своему дитяти,
Порядочекъ дати.
Гробовы доски стиснули ножки —
Не могу покрануть;
Желѣзны цвички ⁴⁰⁾ стиснули плечки
Не могу повернуть...
Травка-муравка заросла вочки —
Не могу проглянуть;
Желтый песочекъ залегъ носочекъ,
Не могу продыхнуть...
— Да взнеси, Божа, буйнаго вѣтра,
Да размети ты, вѣтрикъ, желтые пески,
Да налетите сѣрые гуси,
Да пощиплите травку-муравку...

---

⁴⁰⁾ Гвозди.

Да взнеси ты, Божа, громову тучу,
Да разби ты, Божа, гробову доску,
Да взними, Божа, мою мамульку,
Да взними, Божа, мою родненьку!

Гости склонили головы и призадумались. Оедоръ принялся къ всѣхъ силъ упрашивать ихъ „силковаца“ и весело „чарку гонять“.

— Будьте, гостики, смѣлы... Зачинайте гонять! Миронъ! Ты-жъ у меня комлевый свать! Ну, веселѣй! Пускай Янка къ Ивановичу... Ну бери теперь, Трофимъ! Шей до дна!.. теперь къ жонкамъ гоните, братцы! къ жонкамъ! Кулинка, голубка моя!.. Ай, Кулинка ета—чистое золото!.. Выпей на здоровьика... Дай же, Боженька, штобъ и другой разъ тебѣ зачинать, якъ ты у насъ зачинаишь!— Дай, Божа, усякому такій голосокъ... Гони теперь, Яночка, по двѣ!.. По двѣ братцы!.. Грѣйтеся по двѣ!.. Гостики мои любви!.. Гоните къ Тумашу—енъ нѣшто хмарый... Раскрый ему вочки, Яночка! Подвесели его!..

Польщенный вниманіемъ, Тумашъ изъ хмараго постепенно превращается въ веселаго, а Янка послѣ четырехъ рюмокъ сталъ улыбаться во всю ширину своего маленькаго, съ веснушками лица.

— Што-жъ вы тамъ, жоночки, заморкотились? — сказалъ „комлевый“ свать, вставая съ своего мѣста и переходя къ женскому столу.

Бабы, до сихъ поръ строившія церемонію и ожидавшія сватняго „примусу“⁴¹⁾, начали болѣе смѣло „гонять рюмку“.

— Жоночки, веселѣй! — говорилъ „комлевый“ свать, увиваясь около бабъ. Наста! Ты жъ колись то была веселая, а теперь и крылья опустила... По мужу моркотисся? Ничего... А бы здоровье! Пройдутъ лѣты, пріѣдутъ сваты—правду кажу... Ага-а! Выпійте еще жоночки, да повеселите наша вяселля!

Бабы вышили, повеселѣли и стали услаждать слухъ затрапезниковъ свадебными пѣснями.

— Начинай тамъ, — сказала Наста Змитрочиха, замѣнившая на тотъ разъ Кулину. Ты ты тамъ, Прокопиха, ты ты Базылиха...

— Мы тебѣ, голубка, не чета, — говорили съ другой стороны стола хористки. Наше горло старое, а твое еще—слава Богу... Тебѣ всякій готовъ слушать.

„А у насъ сегодня Божжа воскресеня“... (2 раза) начала Змитрочиха.

⁴¹⁾ Приглашенія.

„Зачалось сиротское вяселле“... отвѣчала ей Прокопиха съ другой стороны стола.

Долго ходила рюмка изъ рукъ въ руки, долго гости проводили примѣры, почему они не въ силахъ больше „ни капельки“ потянуть, при чемъ хозяинъ нѣкоторымъ преподносилъ къ самымъ губамъ рюмку и держалъ до тѣхъ поръ, пока „винный духъ“ не производилъ своего дѣйствія на товарища, и водка, наполовину расплесканная, вливалась, наконецъ, въ ротъ гостя.

Выпивши по 5—6 рюмочекъ, гости, послѣ долгаго „примуса“, стали „силковаться“. Поданное въ глиняной мисѣ печеное мясо „комлевый“ свать разорвалъ на куски руками и гости клали эти куски на хлѣбъ, подносили ко рту и громко чавкали, вытирая руки о голову или о кажухъ. Лица покрылись жиромъ, глаза горѣли, лоснились.

Публика незваная стояла безъ дѣла. Мальцы курили и подшучивали надъ дѣвчатами; а дѣвчата „хорохорились“, поправляя наряды, а иногда проносился изъ-за толпы недовольный шопоть.

— Ишь сами пьютъ-гуляютъ, а мы стоимъ безъ усякаго-усяго, хоть бы музыка заиграла.

— Гони, сваточекъ, къ музыкѣ, кричалъ между тѣмъ Ѳедоръ къ крайнему свату—Курилѣ Везпятому... Раскрой ему вочи! Ха-ха-ха! Нечего тебѣ, музыка, зѣвать! Лей ему еще! Во... Его дѣло людцевъ веселить!

— Што не допиваешь, Ивановичъ? — кричалъ въ другомъ концѣ Миронъ.

— Да я уже, братецъ мой, доволенъ, говорилъ Ивановичъ. Моя голова хвораая. Постарѣла, килишки три пропустишь и уже затлумленье беретъ. Бывало и выпьешь и перепьешь, а назавтра — ничего, а теперь, коли и трапнца гдѣ якую поубутыуку стиснуть, дыкъ послѣ и лидаикъ къ горлу подступаить... во якое житье! Отпили свое съ молодости!..

Наконецъ, очередь дошла и до цимбалиста. Цимбалы совсѣмъ „пересохли“. Они, по замѣчанію гостей, идутъ „не тымъ трахтомъ—треба подмочить“. Подмоченное—не такъ скрипитъ. Сватъ Миронъ подошелъ къ цимбалисту и, сказавъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ по поводу его „маркотной твари“⁴²⁾, налилъ ему чарку „съ верхомъ“. Цимбалистъ безъ всякихъ отговорокъ опрокинулъ ее въ ротъ. Послѣ же второй и

---

⁴²⁾ Скучнаго лица.

третьей махнулъ рукой: больше, дескать, пока-что не наливай, — и принялся за цимбалы.

„Подмоченная музыка“, по знаку хозяина, ударила кадрили. Молодежь во всѣхъ концахъ хаты зашевелилась. Въ такой же маленькій кружокъ вошелъ въ 1-й штрофъ ⁴³⁾ Пилимоновъ Терезка, прочіе похватили дѣвчатъ въ одинъ мигъ. Кадриль на этотъ разъ танцевалась съ большимъ одушевленіемъ.

Гости между тѣмъ продолжали пировать, усердно угощая другъ друга, а иногда прибѣгая къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Такъ Ивановичъ, по предложенію комлявого свата, поднялъ уже руку съ цѣлію опрокинуть рюмку своему сосѣду Курилѣ Безпятому за воротъ кажуха. Безпятый сначала отмахивался, а потомъ, — нечего дѣлать, — выпилъ, поцѣловался съ Ивановичемъ и высчитали родню черезъ сватулю „Банадься“.

Бабы во время свадебнаго стола безпрестанно цѣли, а гости ихъ похваливали.

— Али-шь наши жоночки — вотъ пяютъ, дыкъ пяютъ! Откуль у ихъ што берещца! Не успѣютъ кончить одну, ужо тянуть другую... Ти ни промочить вамъ горлычка? — слышалось съ разныхъ концовъ мужского стола.

⁴³⁾ Въ 1-й части.

Мужчины вообще были такъ хорошо настроены, что даже начали въ унисонъ подпѣвать бабамъ и въ видѣ финала въ концѣ тянули фистулой: у-у-у-о-о-о! Комлевый же свать размахивалъ въ тактъ руками и цибукомъ, крича не то басомъ, не то теноромъ:

„Вяселля наша—

„Хлѣбъ—каша-а-а-у-у!

Такое же одушевленіе стало находить и на танцоровъ. 6-я штрофа заставила публику разжаться въ стороны, при чемъ спины трапезниковъ отъ напора зрителей согнулись въ дугу. Кавалеры поднимали высоко руки своихъ дамъ. Они летали безо „всякой уваги“, задѣвая каблуками за ноги и нанося удары тѣмъ, кто не успѣвалъ отхинуться. Когда же на смѣну „кадрыля“ явился „ицыкъ“, то болѣе слабѣйшая публика постаралась ретироваться на полати, на печь, другіе спѣшили выбраться „на свѣтъ Божій“, при чемъ большія усилія употребляли, чтобы вырвать полы кожуховъ и армяковъ изъ плотныхъ рядовъ публики. Юркѣ, по обыкновенію, принадлежала пальма первенства, хотя сильную конкуренцію составлялъ для него возвратившійся только «намедни» Янковъ солдатъ—Банадысь. Банадысь въ „ицыкѣ“ былъ даже бо-

лѣе эффектенъ. Точно также при ухаживаніи за дѣвчатами онъ умѣлъ „подойти“ къ нимъ совсѣмъ на иной манеръ, чѣмъ это дѣлалъ Юрка.

— Низвините, сказалъ Банадысь, задѣвая старичка во 2-й части „ицыка“.

— Во лятить, якъ утрапеныи ⁴⁴⁾, пробурчалъ сердито дѣдъ, наклоняясь къ землѣ и ища выбитую изъ рукъ пипку. Што ты людей не видишь?

— Низвините, дѣдушка, мы васъ не заглядѣли...

— Однако, еще можно пройтись... Позвольте Лукерья!.. Вы только съ Прохеромъ да Юркой почтеніе разводите... Мы давно знаемъ-съ, что вы до Юрки больше чести имѣете.—говорилъ онъ, обхватывая Лукерью и нападая „со всего размаху“ на Юрку. Юрка разогнался съ другого конца и „драгануль“ солдата въ плечи.

— Ай, я уже не могу,—говорила Лукерья, стараясь высвободиться отъ Банадыся.

— Ничево-съ. Вы, значить, другой ногой.

— Лукерья съ Банадысемъ сцѣпилася, толковали дѣвчата около печки: только и Юрка на Лукерью поглядываить... Во смѣху

---

⁴⁴⁾ Какъ сумасшедшій.

будеть, коли подеруцца... Юрка до всѣхъ лясы точить... А Лукерья ему съѣздила-бъ у рыла, потому не суйся до усѣхъ!.. Во што...

„Ицыкъ“ смѣнился „питкевичемъ“, и казалось, танцамъ конца не будетъ. Кавалеры давно уже вытирали градомъ катившійся потъ и по временамъ выбѣгали на дворъ, чтобы потянуть „во весь духъ“ изъ ведра холодной воды...

Наконецъ, среди общей сумятицы поднялся бабскій крикъ, что „ужо третіи пѣтухи спѣвали“: пора дятюка на посадъ садить.

Женихъ, сидѣвшій въ то время въ истопкѣ, думалъ тяжелую думу: „Вотъ ина женитьба?.. Живешь—живешь, женишься, ну и во табѣ и жизнь... Бросайся, куды хошь... Ты-и, знацца кричатъ, а мое дѣло ни тое, ни сее“...

Услышавъ, что бабы собираются его „на посадъ садить“, Пилипъ сильно взволновался.

Къ нему вошли всѣ гости, налили воды въ кружку и налили ему въ руки ⁴⁵⁾. Процессія начинается медленно двигаться въ хату, предшествуемая музыкантомъ, со всѣхъ силъ игравшимъ, соотвѣтственно данному моменту,

⁴⁵⁾ „Чтобы такъ чисто было въ душѣ, какъ чиста вода въ кружкѣ.

мольнаго настроенія маршъ, за музыкантомъ слѣдовали шафера Юрка и Панасъ, дальше шли отецъ съ матерью, за ними мужчины и бабы, сидѣвшіе за столами. Въ хатѣ Пилипъ сѣлъ за столъ, по обѣ стороны сѣли шафера.

Бабы запѣли:

1-й хоръ. Летѣла зязюля черезъ садъ:

Чась табѣ, Пилипка, на посадъ.

2-й хоръ. Што табѣ, зязюля, до того

Ай рано-рано до того.

Есь у мене татуля на тое

Ай рано-рано на тое...

„Жалобная“ пѣсня начинается разстраивать Пилипа. Онъ все болѣе и болѣе становится „сумрачнымъ“. Голова его постепенно опускается къ столу, и вдругъ послышались всхлипыванія. Пилипъ утираетъ слезы рукавомъ, плечи его вздрагиваютъ, волосы сползаютъ на лобъ. Въ публикѣ водворяется тишина. Каждому упало на сердце нѣчто „маркотное“. Старики вспоминали свою молодость и потупились. У нихъ показались слезы на глазахъ. Дятюки и дѣвчата перестали шутить и смѣяться.

„Собирайтесь претили,—запѣли бабы, приглашая этимъ гостей на подарки жениху:

„Близкіи-далекіи, запечныи, заплечныи,

„Да и дарите Пилипку, дарите,

„Братитки по червончику,
„Дядочки по рубельчику,
„Татка зъ мамкой—хлѣба-соли!..

Подошли отецъ съ посаженою матерью съ хлѣбомъ-солью ⁴⁶⁾. Отецъ прослезился, благословилъ сына маленькой, закоптълой иконой, снятой съ краснаго угла, и передалъ его матери.

— „Дай же тебѣ, Боженька, что найлѣ-пи!— сказала Кулина, поднимая припавшаго къ ея рукѣ Пилипа и цѣлуя его: дитяtko мое, Пилипка!.. Не плачь же, мой любый!.. Безъ мамки родной? Дыкъ што-жь! Коли Богъ пошлетъ... будешь жить не хуже людцевъ... Не сподѣвайся ⁴⁷⁾ на мои дары, а самъ зарабатывай... Доуга не засыпай, рано уставай!

— И чего ень такъ заливаицца, толковали бабы; кажись свадьба ни икая-нибудь... и Ганка не пустяшная дѣвка!..

— Да кажинный отъ молодыхъ лѣтъ не хочить отставать, говорила Прокопиха.-- Пилипка хоть и не лайдакъ ⁴⁸⁾, иначе любію по игрищамъ походить...

---

⁴⁶⁾ Хлѣбъ этотъ вырѣзывается изъ булки.

⁴⁷⁾ Не надѣйся.

⁴⁸⁾ Не гуляка.

— Подходите, гостики, — приглашала между тѣмъ гостей посаженная мать. — Кладите на его здоровье во у ету миску...

И какъ среди вихря, который шумить, бушуетъ, рветъ, вдругъ на минуту стихаетъ для того, чтобы потомъ съ большей силой вырваться на просторъ, такъ и послѣ жалобнаго вздоха „молодца“⁴⁹⁾ послѣдовало громогласное пѣніе бабъ, а вмѣстѣ и изба во всѣхъ углахъ огласилась „галдѣньемъ“.

Въ толпѣ началось движеніе. Руки ползли въ карманы. Старики вынимали изъ-за пазухъ „капшуки“ и долго рылись въ нихъ, стараясь отыскать мелкую мѣдную монету; молодежь развертывала армяки или шарила въ карманахъ самотканыхъ брюкъ, раскрывала новомодные съ „масындзовыми“ замками кошельки и крѣпко держала вынутую монету въ рукахъ, ожидая очереди „дарить молодца“. Вотъ посыпалась мѣдная денъга въ глиняную тарелку. Сначала отдали свою лепту старички, затѣмъ, прячась другъ за друга и жеманясь, стали выходить и молодые. Каждый боялся, чтобы не осудилъ его копейки „чужій глазъ“.

---

⁴⁹⁾ Женща.

Федоръ стоялъ около стола и подносилъ налитую рюмку каждому изъ гостей. Гость выпивалъ, кланялся „молоденцу“ и цѣловался съ нимъ. Ряды выпившихъ отходятъ назадъ, утираются, чихаютъ и пропускаютъ „свѣжихъ“.

— Подходите, гостики дорогіи, уговариваетъ посаженная мать: не соромтесь... сами по сабѣ, якъ у кого якіи достатки!...

Бабы, замѣчая, что гости дарятъ очень скупо (а нѣкоторые совсѣмъ ограничиваются однимъ грошомъ), начинаютъ пѣть скороговоркой:

„Хто не будить—дарить,
Того будимъ доить—доить...“

Да у вяликое судно,
Да у новое ведро“!...

Но, несмотря на неоднократные бабскіе призывы, публика не расчувствовалась, напротивъ замѣчалось даже нѣкоторое поползновеніе (по преимуществу со стороны незваной публики) воспользоваться даровой водкой. Такъ, Василь Чубатый нѣсколько разъ подходилъ изъ толпы къ столу и получалъ порцію, опускавая по одному грошу ⁵⁰⁾.

---

⁵⁰⁾ Хозяинъ на это обстоятельство какъ будто не обращаетъ вниманія, хотя потомъ и обижается. — „Али ти вѣдаишь, Леоновичъ, — говоритъ онъ, обыкновенно, сосѣду, — якій гѣта дурный звычай на людяхъ дарить... У мене полсжили усига“

Часа два длилось „даренье“. Мужчины начали „гомонить“, что пора „молоденца до молодой везти“.

Михайл
Т

Федоръ началъ отпускать „отчепного“. Къ невѣстѣ ѣхать нужно „самъ-семь“. — „Дружину“ жениха составили: комлевый свать Миронъ, и его помощникъ — Ивановичъ, два шафера — Юрка и Панасъ, шаферка и музыкантъ съ цимбалистомъ. Миронъ, въ 10-й разъ прощаясь съ Федоромъ, получаетъ послѣднія отъ него наставленія. Онъ явится, какъ увидитъ дальше читатель, истолкователемъ отцовскаго настроенія, по отношенію къ невѣстѣ и ея родителямъ, — онъ будетъ угощать тестя, тещу и всѣхъ его гостей.

Вотъ сваты одѣлись, перетянулись поясами съ кутасами, запрягли лошадей и послѣдній разъ „прихинулись“ къ столу выпить „отчепного“. Теперь Кулина скомандовала, чтобы Пилипова дружина обошла кругомъ стола три раза. Гости, куляясь и спотыкаясь, съ трудомъ пролѣзли около лавки, около окна, и, по знаку хозяйки, перекрестились и начали прощаться. Цѣловались, кланялись, обнимались

---

1 рубель, а выпили 3 гарцы... Симоновъ же малецъ три раза подходіу, а укинуу только 3 коп. Коли дасть Богъ табѣ Бориса женить, позмычь малую рюмку... во што! Тады не дужа ухитрацца“...

на разные манеры. Федоръ принесъ условленное количество водки для „выкупа не-вѣсты“⁵¹⁾.

— Ты-жъ, сваточекъ, веди тамъ порядочки, якъ для своего сынка, — говорилъ Федоръ, цѣлуя Мирона... Вотъ табѣ боченочекъ для ихъ, значить. А ету бутылочку — тисни у запазуху... Ну, во... Вѣдаишь самъ, что усякин причины случающа... Ну, по чарки раскинь... Гэто то-жъ отъ стариковъ вядецца... Опять, ежели на устрѣчу какое што, зрукай тамъ полѣпи...

Сваты съ пѣснями и „гойканьемъ“ вышли изъ хаты, взвалились на телѣги и ихъ безконечное: „у-у-у“! слилось съ пронзительнымъ завываньемъ маленькихъ колокольчиковъ. Кони рвутся изъ всѣхъ силъ, а поѣзжане ихъ изъ всѣхъ силъ подстебываютъ.

Миронъ кричалъ свадебныя пѣсни на разные лады и когда горло стало хрипнуть, толкнулъ своего „подмогайлу“.

— Што ни пяешь, Ивановичъ, — не весель?.. Во сичасъ... будемъ у молодой... тамъ разгукаеся!

Но не успѣли сваты спуститься за опушку лѣса и вѣхаться въ деревню Крыжаницу,

⁵¹⁾ Условились, какъ помнитъ читатель, на „закармливаніи“.

какъ вышли изъ-за угла два парня и закинули жердочку. Нечего дѣлать: пришлось „выкупиться“. Раздалъ имъ Миронъ по рюмкѣ и уже стегнулъ своего коня, какъ вдругъ прибѣжали съ гумна три старичка, которые и докончили Миронову бутылку. На эту церемонію сбѣжались посмотреть и ребята, накинувшія наскоро батькины полушубки. Издали бѣжали двѣ молодицы крича: „ай, сваты, сваты!“

Миронъ послѣ десятой рюмки опять стегнулъ своего кошука, толпа разступилась и бабы не успѣли даже хорошо разглядѣть «якій-такій молоденецъ». Сваты мчались быстро, но въ концѣ улицы опять—рогатка! Левонъ, что съ грузомъ на лбу, заложилъ жердину и стоялъ, поглаживая бороду, вполне увѣренный, что ему сейчасъ должна выпасть „чарка“. Конечно, сватамъ и спорить не приходилось: Левонъ—чаровникъ, да при томъ еще умѣетъ „заговаривать“ и „отговаривать“. Миронъ, чтобы избѣжать какихъ-либо непріятныхъ инцидентовъ „отъ нечистой силы“, вылѣзъ изъ телѣги и подобострастно сталъ съ нимъ раскланиваться, наблюдая, куда чаровникъ направляетъ «бѣлды»⁵²⁾. Чаров-

⁵²⁾ Весело ли смотреть.

никъ опрокинулъ три рюмки и, поблагодаривъ сватовъ, отложилъ жердь.

Деревня Кривулино, гдѣ, какъ знаетъ читатель, ожидаетъ жениха Ганка, также жаждетъ выпить по рюмкѣ „отчепного“. Здѣсь орудовала Николаиха. Она и жердь заставляла, и мужа ругала, что онъ такъ долго лапти обуваетъ.

— Вотъ копанся, а сваты и проѣдутъ, говорила она, набрасывая платокъ.

Но представьте себѣ отчаяніе всѣхъ деревенцевъ, когда Миронъ неожиданно умудрился проѣхать около бани, прямо на Трофимовъ дворъ. Николаиха осталась „на бобахъ“ и чуть горшка на мужниной головѣ не побила. Въ сердцахъ она до сѣднанія не пила — не ѣла. Думала „натошакъ“ чарку выпить, а вмѣсто того получила взбучку отъ Сидорихи и Левонихи.

— Благая кабета!—кричали эти бабы со своихъ дворовъ. Брешить безъ путя... И дѣло сопсувала, и сама теперь якочить! А Левонъ мой киную токь... Вѣгъ, бѣгъ .. а тымъ часымъ свиньи у токь... Во ина надѣлала чаго! Кабъ ты такъ вѣкъ якотала!

III.

Въ Трофимовой хатѣ шло веселье по тому же „установу“, какъ и у Ѳедора. Собрались „званные“, привезли свои гостинцы, затѣмъ нахлынула толпа молодежи, начались танцы, пошелъ дымъ коромысломъ.

Веселье зачиналъ и билъ пироги Прокopf Селедецъ. Послѣ того, какъ онъ громко процѣлъ:

Божа слау, Божухна

Вяселья играть!

Да чіе-жъ, да чіе-жъ,

Да Ганулькино!..

Гости сѣли за столъ, и вся публика со вниманіемъ выслушала процѣтую бабами на два хора пѣсню, въ которой высказывалось, что тяжело Трофиму разставаться со своей дочерью.

„Радуйся сердечко Трахимково,

Отдаючи, справляючи вяселья Гануль-
кина.

— Тады мое сердечко радовалоя,

Якъ мое дитятко годовалоя;

Теперь мое сердечко злякнулося ⁵³⁾,

Якъ мое дитятко склонилося,

⁵³⁾ Смутилось.

Теперь мое сердечко засмучено ⁵⁴⁾,

Якъ мое дитятко заручено“.

Трофимъ слушалъ причитанія бабъ, опустивъ голову и держа бутылку въ рукахъ.

— Слушаючи васъ, бабки, сказалъ онъ, когда тѣ кончили пѣть, ажъ въ глазахъ потемнѣть, а одна жалость... Гостики любви! Просимъ васъ: пейте, гуляйте... Бабки-голубки! Веселите гостей моихъ званыхъ!.. Прокопка, мой любимый сватокъ! Пей первую чарку!.. Уси зъ васъ—съ Силядцовъ—добрыи людцы!

Прокопъ выпилъ и „погналъ“ чарку по направленію къ музыканту, сидѣвшему около окна. Отъ окна, черезъ Терезка Безрылаго, рюмка перешла на бабскій столъ. Здѣсь Рыпина Криворотая, послѣ второго „примусу“, начала на новый мотивъ пѣсню, которую подхватили во весь голосъ прочія бабы:

„Ай нѣту-нѣту Ганульки у домѣ:

Ай рано-рано Ганульки у домѣ:

Пошла Ганулька до Господа Бога

Матульку просить...

Ай, Божа, Божа, прошу у вяселля

Хоть самъ не пойдешь, пусти мамульку.

— Я и самъ не пойду, и мамульку не пущу:

⁵⁴⁾ Въ большой тревогѣ.

Твоя мамулька узямлѣ глубоко,
Твоя мамулька за тремя замками,
Первый замочекъ—желтый песокъ,
Другій замочекъ—травка-муравка,
Третій замочекъ—гробовы доски ^{5 5})...

Подошла къ Рипинѣ Вовчиха, сестра Ганки (замужемъ за Федосомъ Вовкомъ), и стала просить ее, чтобъ не пѣть больше такихъ „жалобныхъ пѣсенъ“: молодая „вочки выплачетъ“ и гости „головки повѣсятъ“. На это Рипина замѣтила:

— Нихайтеперь и выплачица... завсегда, коли идя замужъ не выплачица, замужемъ тое выплачить... во што!

Молодежь, между тѣмъ, танцевала до вторыхъ пѣтуховъ. Потомъ „посадили молодую на посадъ“, благословили, дарили мелкой монетой, при чемъ бабы къ „посадной пѣснѣ“ прибавили:

„Братитки (дарите) по рубельчику,

„Сестрицы по станочку ⁵⁶),

„Теточки по рукавочку“..

Кончили „посадъ“, одарили невесту. Съели опять за столъ—вышили, закусили, и бабы принялись „прибирать молодую до жениховой

⁵⁵) Послѣ cadaго стиха хоръ добавляетъ: „ай рано рано“ и проч.

⁵⁶) Полотна въ ростъ человека.

дружинны“. Невѣсту умыли, причесали, сплели волосы въ одну косу, надѣли „квѣты“ (вѣнокъ изъ искусственныхъ красныхъ цвѣтовъ), прицѣпили къ нимъ кусокъ кисеи („вѣлишь“) и посадили противъ порога на срамейку.

Теперь постепенно сталъ утихать шумъ въ хатѣ. Всѣ гости стали прислушиваться: съ минуты на минуту должны подѣхать женихъ съ дружинниками.

Вотъ послышалось „гойканне“, и вбѣжавшій впопыхахъ парнишка закричалъ: „ужо-о-о“! Вотъ уже доносится и завыванье колокольчиковъ. Бабы стремглавъ выбѣжали на дворъ, заперли ворота и, вошедши въ хату, запѣли:

Да устережися, да убережися, Ганулька:
Ужо неволя посередъ поля..

— Да не устерегуся, не уберегуся женочки!..

Да у ласковой тещи стоять зять за воротами,
Снѣжкомъ придыливши ⁵⁷⁾, дождикомъ промочивши.

— Тещухна, моя мамухна, ти ты мене на дворъ пусти,
Ти ты мене дочкой дари!

---

⁵⁷⁾ Обвѣявши.

— Зятюхна, дитятухна, ни я тебе на дворь пушу,

Ни я тебе дочкой дарю:

У дворь пустивши—надо честовати,

Дочкой подаривши—некому слуговати!..

Въѣзжая на дворь, Пилипова шаферка „зычнымъ“ голосомъ запѣла:

„Братитка мой родненькій!

Хваліуся ты тещей своей,

Што посередь поля переимать будеть,

Виномъ-медомъ честовать будеть...

Ажъ подь воротичками настоялися,

Снѣжкомъ придылилися,

Дождикомъ примочилися...

Въ то же время въ хатѣ среди общей суеты была слышна пѣсня совсѣмъ иного рода:

Застучали кованы коники

На двору:

Замкнулася молода Ганулька

Въ комору.

— Выйди, выйди, мамухна,

Откажи!..

— Якъ я могу, мое дитятко,

Отказать:

Наѣхали тыи бояры—

Што узять!

Послѣ этой пѣсни наступила пауза. Дружина Пилипова стала прилаживаться, чтобы войти „якъ слѣдъ быть“. Сватъ Миронъ взялъ за руку жениха, женихъ — дружка, дружокъ — Ивановича и такъ гуськомъ вошли все поѣзжане, переступили порогъ сѣней, медленно отворили дверь хаты и столпились позади „комлявого“ свата. Миронъ переступилъ порогъ хаты и все гости Трофимовы и сама невѣста встали и насторожились. Миронъ откашлялся, разгладилъ бороду, чихнулъ и началъ „мовить рацію“⁵⁸⁾.

— „Нехть бѣнде похваленый“, — началъ онъ, низко кланаясь и обводя гостей пытливымъ взоромъ:

Баранъ сивый, верхъ зеленый!

Стихните дудки, стихните голубки,

Стихните и вы, жоночки-лебедочки!

Не для насъ самихъ, а для Господа-Бога
и Духа Святого...

Пане свате, ти есть ты у хати?

Ти есть, отзовися у своемъ домочку,

Якъ пчелиная матка у медочку...

И прошу, пане свате, хлѣба-соли узяти

И насъ на дары Божіи позвати,

---

⁵⁸⁾ Мовить рацію — говорить привѣтствіе.

Штобъ попить, поѣсть, погулять, побесѣдовать,

Пана молодого завести за тесовы столы,
За шелковы брусы ⁵⁹⁾, за винныя чары,
за Божіи дары!

И прошу, пане свате, етому дитяти
Благословенне дати,

Анельскимъ словомъ и низкимъ уклономъ.
Также просить панъ младый ⁶⁰⁾ родную
матку,

Которая тяжело носила, тяжелой спородила,

Темной ночи не досыпала,

Ясныхъ свѣчь не погашала,
Съ почепокъ ⁶¹⁾ ногъ не вынимала.

И прошу, пане свате, етому дитяти
Благословенне дати,

Анельскимъ словомъ и низкимъ уклономъ.
Еще просить панъ младый родную бабку,

Которая при роду бывала,

Съ сырой земли поднимала,
Всякую нечистоту отъ тѣла отчищала,

Съ синяго моря, изъ-подъ бѣлаго

Камня воды достала

---

⁵⁹⁾ За шелковыя скатерти.

⁶⁰⁾ Т. е. женихъ.

⁶¹⁾ Отъ колыски веревки для ублаживанія ребенка.

И въ той водѣ купала,
Въ тонкія пеленки сповивала.
И прошу, пане свате, етому дитяти
Благословенне дати...

Тожъ просить панъ младый своего крест-
наго татку

И свою крестную матку,
Которыи подъ крестъ подносили,
У хрестьянскую вѣру уносили.
До церковныхъ успѣвающихъ,
До звоновъ звеняющихъ подносили.

И прошу, пане свате, етому дитяти
и проч.

Тожъ просить панъ младый
Пановъ и панятокъ и малыхъ ребятокъ
Отъ кута то запечка—усякаго чело-
вѣчка,

И тыхъ бабылокъ,
Которыи ни мають ни коровъ, ни ко-
былокъ,

Што на сабѣ дровы носятъ
И тыи у Бога счастья-доли просятъ...

И прошу, пане свате, и проч.

Тутъ Миронъ раскланялся, разстегнулъ
кожухъ, разгладилъ бороду, принялъ новую
позу и началъ шутливымъ тономъ:

Ахъ, ти вѣдаишь, пане свате,
Ѣхали мы, Ѣхали по мхамъ, по болотамъ,

И прїѣхали къ сватнимъ воротамъ;
А сватніи бабы якъ сороки,
Выбѣгли и зачинили намъ ворота!
Мы чиста посклели-бъ ⁶²⁾,
Коли-бъ своей горѣлки не мѣли-бъ;
Вотъ мы стали свою горѣлку распивати,
А евоныи бабы стали пїяти.
Яны пїяли-пїяли,
Яны хотѣли, кабъ мы имъ
Горѣлки своей дали;
Но яны отъ насъ такой ласки не достали
И мы имъ своей горѣлки не дали.
Яны съ большого стыда
Побѣгли, хто куда!
Ажъ видимъ: идетъ свать криворотый,
И мы рады стали и въ дуду заиграли.
Во и взѣхау я, Антонъ, Андронъ,
И зовуть насъ у сѣни;
Переступіу я порогъ,
Гляжу, — ляжить табаки рогъ...
Я узяу, подняу, понюхау
И сватняго порядку послухау:
Ажъ правда — у сватней хати
Порядокъ, якъ у людей...
Гляжу нясеть сваття-Настя наметки,
Али троху коротки.

---

⁶²⁾ Померзли-бъ.

Я на гэта не уважау,
Узяу наметки подпиризау,
И вижу нясетъ сватъ-Игнатъ
Бутылку горѣлки,
А сваття-Настя сыр на тарелки.
А сватніи дѣвки
Глядятъ мнѣ прямо у зрѣнки ⁶³).
... Ажъ зовуть насъ у хату.
Мы стали протіу печи,
Ти ня чортъ ее гоняу
Хозяйку коло печи,
Коли дасъ мнѣ кочергой у плечи!
Мы отошли и стали протіу полу ⁶⁴).
Коли выскочіу господарь ⁶⁵) з-за столу,
Коли дасъ нашему дудару
Подъ самую бороду!..
Вотъ мы и дадимъ шаферкамъ
По три гроши,
Што яны хороши,
А надкосникамъ ⁶⁶) рубъ за косу,
Што ни пускали сестры по лѣсу...
Прошу, пане свате, забачить ⁶⁷),
Што не умѣю боли рачить:

---

⁶³) Прямо въ глаза.

⁶⁴) Противъ нарѣ.

⁶⁵) Хозяинъ.

⁶⁶) Шаферамъ.

⁶⁷) Извинить.

Ѣхау, Ѣхау коло плоту,
За плоть зачашу,
И радію згубіу!..

Произнесши рѣчь, Миронъ раскланялся и началъ перешептываться съ своей компаніей. Между тѣмъ публика пришла въ восторгъ отъ ораторскаго искусства Мирона. „Во Миронъ, слышалось въ разныхъ концахъ хаты: отрачіу, есь што послухать!! И покойникъ Язэпъ-Цвыркунъ того не сказау бы“...

Миронъ ухмылялся и принималъ знаки одобренія совершенно равнодушно. Онъ стоялъ еще на перепутьи, и хозяйка долго упрасивала: „прошу, гостики дорогіе, поближе... прошу“! Миронъ „дзяковалъ“, но не двигался впередъ. Наконецъ, онъ пододвинулся къ скамейкѣ, на которой сидѣла невѣста, и преподнесъ послѣдней цвѣтокъ, который былъ приколотъ у жениха. Шаферки невѣсты взяли этотъ цвѣтокъ, благодарили Мирона и послали цвѣтокъ молодому отъ невѣсты. Миронъ торжественно преподнесъ этотъ цвѣтокъ Пилицу и приколотъ ему къ правой сторонѣ груди.

Только послѣ этого вся дружина переступила порогъ и потупила головы.

Аксинья, съ которой познакомились читатели еще на выглядинахъ, явилась, какъ посаженная мать, «витать» ⁶⁸⁾ жениха. Она вышла изъ-за печи въ кожухъ „вверхъ косматемъ“. Въ рукахъ ея была бутылка съ медомъ.

— Иди-жь поскорѣй, Ивановна, понукала ее Рыпина: иди гостя любаго витай... што-бы послалъ Богъ усяго добраго вашимъ любимъ дѣткамъ ..

Аксинья подошла къ дружинѣ молодого и начала сыпать на нее хмелемъ, приговаривая:

— Дай-же, Божухна, навѣки усяго найлѣпшаго!..

Шаферка Пилипова запѣла:

Тихо сваты идите,
Теремовъ не ломите,
Теремочки сосновые,
А брусики шелковые,
А кубочки золотыи,
Полно виномъ налитыи.
Расхинитесь, жонучки,
Дайте поглядѣть, братовочки,
Якъ ина ⁶⁹⁾ прибрана,
Дѣ ина посажена?

⁶⁸⁾ Привѣтствовать.

⁶⁹⁾ Невѣста.

У моей братовочки,
Золотая головочка,
Прибрана, якъ паняточка,
Посажена якъ сироточка.

Послѣ этого молодой, въ сопровожденіи посаженной матери, идетъ къ невѣстѣ, скланяется передъ ней, и мать передаетъ ему руку дочери. Въ публикѣ стало замѣтно движеніе. Всѣ отодвинулись отъ стола. Насталъ моментъ, когда Пилипа съ дружиной «чувствовать» будутъ. Молодежь начала расходиться, старики заняли нары, ребята растянулись гдѣ попало и уснули богатырскимъ сномъ. А вотъ около печи съежился одинъ изъ танцоровъ, пригнулъ ноги въ уголь, протянулъ къ принечку руку и отдалъ себя въ объятія Морфея, несмотря на то, что прихивнувшійся около него дѣдушка неоднократно отодвигаетъ его голову къ печи, а хозяйка, поднося кушанья къ столу, задѣваетъ его локтемъ по лицу.

Вотъ дружину стали просить за столы «зализать». Обошли молодые «по старосвѣтскому установу» вокругъ стола три раза, перекрестились и усѣлись въ установленномъ порядкѣ: въ углу, подъ божницей Миронъ, около него шаферка, затѣмъ молодые, даль-

ше шафера Пилипа Юрка и Панасъ и на концѣ стола музыкантъ Захвей Сусоль и, наконецъ, цимбалистъ Якубъ Шурлыга.

Трофимъ принесъ водки и сталъ упрашивать „погрѣться“ послѣ трудовъ, попить, поѣсть, погулять. Музыкантъ заигралъ, цимбалистъ «отбивалъ» веселля. За столомъ поднялся «гуль». Миронъ всё мѣры употреблялъ, чтобы за столомъ было «шумнѣй», чтобы все гудѣло, играло, пѣло, чтобы молодымъ на душѣ веселѣй было. Поэтому онъ острилъ, шутилъ и вызывалъ на разговоръ даже тѣхъ, которые стояли около печи. Музыканты тоже изъ силъ выбивались. Имъ теперь нужно было не только играть, но и подпѣвать, или вѣрнѣе „гойкать во всю мочь“. И музыканты гойкали, свистали или просто тянули у-у-у!

Бабы также начали пѣть во всю мочь, при чемъ голоса ихъ не подчинялись тону музыкантовъ, что, однако, нисколько не смущало гостей, напротивъ, лица ихъ оживлялись, глаза горѣли.

Среди общаго шума, гойканья, свиста, безконечныхъ упрасиваній «покаштовать», выпить, погрѣться, среди плача двухъ проснувшихся за печью ребятъ, среди ругательствъ, которыми осыпали другъ друга

проснувшійся танцоръ и сидѣвшій рядомъ съ нимъ дѣдуля, выдѣлялось громкое завываніе бабъ.

Залетѣли гуси, пѣли онѣ, пѣли онѣ,

Да съ золотой Руси,

Сѣли-пали на крыницы,

Стали воду пити,

И крылками по льду бѣти...

Бѣти—не бѣти, льду не пробѣти,

Воды не пити.

Наѣхали гости съ чужой волости,

Сѣли яны на застолинку.

Стали яны медь-вино пити,

Кубочками обѣ столѣ бѣти,

Бѣти—не бѣти—вамъ кубочковъ не по-

бѣти,

И вина нашего не попити.

Пилипова шаферка въ тонъ прочихъ

бабъ начинаетъ скороговоркой:

Ай нѣту, намъ нѣту

Отъ свата привѣту,

Сватъ приглядаить,

Столба не минаить,

Сватья приглядаить,

Полойника не кѣдаить.

Хотя гости за вочь и сильно переутомились и давнымъ-давно уже „перепрѣли“ и лица ихъ красны, влажны, глаза „слипаютъ“

ся“, головы склоняются къ столу, однако они всѣ мѣры употребляютъ, чтобы не показаться „маркотными“, и когда разговоръ обрывался, комлевый свать начинаетъ гомонить, бабы кричатъ, музыка заиграетъ, хозяйка начинаетъ кланяться, упрашивать.

Послѣ квашанины, юшки, печенки гости стали послѣдній разъ обгонять чарку. Хозяйка въ видѣ десерта принесла „на закуску“ капусту и, поставивъ мису посреди стола, запѣла:

Ѣшьте, гости, капусту,
Наша капуста тлуста ⁷⁰⁾,
Мы муху доили,
Капусту бѣлили.

Солнце взошло и понемногу лучъ его сталъ проникать въ узенькое оконце Трофимовой хаты.

— Ѣшьте, сваточки, уговариваетъ гостей Аксинья... Не обидьте, гостики любви... Капустки на дорожку!..

— Да ужо спасибо, хозяйка!.. Надо намъ ужо ворошица ⁷¹⁾... говорилъ Миронъ. Чули, што нашъ батька казау: позараньше...

⁷⁰⁾ Жирна.

⁷¹⁾ Спѣшить.

— Да ты, Миронъ, не спѣши: за гроши хоть хто повѣнчайтъ, отозвался пьяный голосъ изъ гостей.

— Мы ета вѣдаимъ... Повѣнчайтъ, да облаить, набрешить...

— Скорѣй допивайте гѣту бутылочку, сваточки, уговаривалъ Трофимъ, грѣйтеся на дорожку!.. Гони, дядька, рюмку къ Мирону..

— Да пей ты усю, моя зязюлька... Во— такъ!.. Теперъ къ дѣдулѣ гоните... Теперъ къ Мирону... Енъ больше усѣхъ за ету ночку натрудіуся!.. Аксинья! ты тамъ бабъ приглядай, што яны у тебя заскучилися... Набيراйтеся, бабки, побольше... До шлюбу ⁷²⁾ пѣсенокъ наготуйте... Гостей добрымъ словомъ съ хаты витайте!..

Стало солнце изъ окна на лавку переходить, стала хозяйка огонь разводить въ печи, курная хата постепенно наполняться стала дымомъ, стали гости „высовываться“ изъ-за стола. Они обнимали хозяина и цѣловались съ нимъ. Потомъ стали отыскивать свои поясы и шапки.

Кони, привязанные около изгороди, давно уже съ нетерпѣніемъ поглядывали на домъ, гдѣ пировали ихъ хозяева. Они постукивали

---

⁷²⁾ До вѣнца.

копытами, махали хвостами и наклоняли головы къ землѣ. Давно уже они старались разрѣшить вопросъ: почему это такъ безсердечны къ нимъ сегодня ихъ хозяева? Столько имъ пришлось принять незаслуженныхъ ударовъ, столько разъ ихъ для потѣхи хозяева „кружили по дорогѣ“, столько разъ имъ пришлось бѣжать „во всю прыть“, сломя голову и, несмотря на такіе труды, до сихъ поръ на нихъ никто не обращаетъ вниманія, до сихъ поръ приходится переносить „стюжу“, до сихъ поръ кромѣ „охапка“ сѣнца, подброшеннаго „на скорую руку“, на Оседоровомъ дворѣ ничего не попало въ голодный желудокъ. „Неужели, думаютъ маленькія лошадки, шаря мордами по голой землѣ, мы отказывались когда отъ работы! Кажется земельку подняли, запахали, сѣнцо свозили, съ полей убрали, да кромѣ того дровъ навозили... Трудимся изъ силъ выбиваемся, а сегодня и кнутами наши бока оттесали, сѣнца не даютъ, на водопой не сводятъ... Вотъ оно житье наше, лошадиное“!..

Заслышавъ новый шумъ, вылетавшій изъ хаты, лошадки встряхнули головами, „навострили“ уши: вотъ, дескать, когда къ намъ идутъ!

Между тѣмъ гости не могли еще распрощаться съ Трофимомъ. Дѣло въ томъ, что несчастныя „надкосники“ потребовали выкупа за косу. Когда гости вышли изъ-за стола, они удержали невѣсту, поставили надъ ея головой глиняную миску ⁷³⁾ и пригласили Мирона и его дружинку „раскошелица“. Начали гости раскошеливацца: развернули ношы, достали „копшуки“, кошельки, и мѣдная монета зазвенѣла, падая въ тарелку.

Бабы запѣли:

Зароди, Божа, братняго жита,

Въ поли по колосочку,

Растрapaвъ русу косу,

По плечкамъ по волосочау.

Когда руки съ мелкой монетой больше не протягивались къ мискѣ, надкосники принялись считать собранныя деньги. Они разложили ихъ по кучкамъ — по 3 коп., по 2 к. — и такъ какъ условленнаго количества не хватало, то надкосники отодвинули деньги къ краю стола, объявивъ, что за такой выкупъ они не выдадутъ невѣсты.

— Да досать будить сваточки, кричали пьяные голоса гостей: мы столько переѣхали, истратились, дорога большая!

⁷³⁾ За это они, между прочимъ, и называются „надкосниками“.

— Што вы надъ нами насмѣхаетеся, возражалии вы косники, отодвигая деньги къ самому краю стола. Што мы до этихъ денегъ дожили!.. Поглядимъ, какое веселля будить у васъ, коли мы не поѣдимъ!.. »

И надкосники стали вылѣзать изъ-за стола, угрожая, такимъ образомъ, разстроить свадьбу.

Что было дѣлать? Миронова дружина „насупилась“, хотѣла вступить въ новыя словопренія, но, замѣтивъ, что Филиппъ даетъ знакъ покончить дѣло миромъ, снова полѣзла за грошами и развязала даже „носатки“⁷⁴⁾, въ которыхъ было нѣсколько копеекъ... Снова полетѣли копейки въ миску, снова надкосники сосчитали...

Теперь итогъ удовлетворилъ ихъ. По случаю же благополучнаго исхода „выкупа“ молодой, все выпили по рюмкѣ, затѣмъ отодвинули столъ и обошли вокругъ него 3 раза, при чемъ свать Миронъ зацѣпился за скамью и упалъ на землю, растянувшись „крыжемъ“. Публика расхохоталась.

— Нѣшто комлявый свать заранья⁷⁵⁾ на ногу закудьягау... Еще усе веселля напереди, — замѣтилъ Юрка, ухмыляясь.

⁷⁴⁾ Посовые платки, завязанные около шеи.

⁷⁵⁾ Прежде времени.

По случаю этого паденія Мирона со всѣхъ четырехъ снова выпили по рюмкѣ.

Теперь посаженная мать благословила Ганку подъ вѣнецъ, и сваты двинулись къ порогу.

Бабы зацѣли:

До шлюбу ⁷⁶⁾, Ганулька, до шлюбу,

Коли табѣ мамулька не любя.

Стала Ганулька подъ вѣнцомъ,

Чесала косыньку гребенцомъ.

Кинула гребенецъ подъ вѣнецъ.

А русу косу подъ чепець.

Сваты вышли на дворъ, „нарахтовали“ коней. Бабы провожали жениха и невѣсту на дворъ, крича во весь голосъ: „до шлюбу“: Когда же все было готово къ отъѣзду, посаженная мать взяла въ полу кожуха овса и, обсыпая имъ гостей, приговаривала: „дайжа, Боженька, вамъ што найлѣпи“!

Но вотъ первая телѣга тронулась, за ней другая, третья, и вскорѣ гости съ пѣнями и гойканьемъ выѣхали за ворота.

Аксинья залилась горячими слезами по своей „дитятухнѣ-Ганулькѣ“.

IV.

Уже кончалась заутреня, когда свадебный кортежъ загремѣлъ около церкви. Оглу-

⁷⁶⁾ Т. е. къ вѣнцу.

шительное завываніе колокольчиковъ ворвалось внутрь храма и заставило богомольцевъ поворотить лица къ окнамъ, чтобы разглядѣть поѣзжанъ.

Лихо мчались кони; гремѣли телѣги по замерзшей грязи. Сваты подѣхали къ караулкѣ и съ трудомъ выгрузились изъ повозокъ. Миронъ первый подскочилъ къ молодымъ и сталъ очищать ихъ спины отъ грязи, затѣмъ поправилъ перевязанное черезъ плечо полотенце, отшлепалъ грязь съ сапогъ. Пилипъ и Гануля выглядѣли очень грустными, угрюмыми. Казалось, они только сейчасъ поссорились другъ съ другомъ...

Миронъ, хоть и сильно былъ слабъ на ногу, однако жъ твердо держалъ порядокъ въ дружинѣ. Прежде всего онъ рѣшилъ не допустить въ церковь сильно охмелѣвшаго Прокопа Селедца. Отъ Селедца можно всего ожидать, когда онъ въ „перепитомъ“ состояніи. Тогда его языкъ — „не тикавый“, да и на руку «мѣтокъ и силенъ».

— Ну ты жъ полежи, Прокопка, покуль мы съ молодыми у церкви справимся, — говорилъ Миронъ, укладывая Селедца въ телѣгу... Да тиху, што ты знаишь?.. Не видишь — народъ и церква?

— А табѣ какое дѣло! — отвѣчалъ хриплымъ голосомъ Прокопъ. — Ежели я..

Но Миронъ зажалъ ему ротъ и началъ о чемъ-то шептать ему на ухо. Селедецъ щуриль глаза, улыбался и согласился, очевидно, на предложенныя условія. Онъ растянулся во всю длину телѣги, взялъ въ зубы „холодную“ пику, задралъ бороду кверху и заснулъ, убаюкиваемый осеннимъ вѣтромъ, дувшимъ отъ озера прямо на сторожку.

Проходившій мимо народъ снисходительно улыбался. Каждому не разъ ужъ приходилось видѣть Селедца въ различныхъ позахъ на кирмашахъ и на „банкетахъ“, и развѣвавшаяся въ воздухѣ его борода въ данномъ случаѣ никого не смущала.

Между тѣмъ поѣзжане, во главѣ съ Мирономъ, двинулись въ церковь, спотыкаясь, подкульгивая и держась другъ за дружку, при чемъ Миронъ инстинктивно хватался за правую сторону запазухи, гдѣ „на всякій случай“ была спрятана полбутылка «спириту».

Скрипнули заржавѣвшія завѣсы церковныхъ дверей, и винный духъ отъ сватовъ сразу „чихнулъ“ въ среднюю часть храма. Сваты стали чихать и утираться полами, громко переговариваясь и размахивая руками.

Старый батюшка ужъ не разъ бросалъ суровый взглядъ въ сторону сватовъ. Миронъ толкалъ тогда товарищей, чтобы они „ни того“, а дьячекъ грозилъ пальцемъ съ клироса.

Сваты тупо оглядывались по сторонамъ, въ полголоса позѣвывали, переступали съ ноги на ногу и чувствовали себя очень неловко. Глаза ихъ потускнѣли, лица блѣдныя, вѣки усиленно мигали, къ горлу подступала икота, подъ грудьми стоялъ лидаикъ. Цимбалистъ, Якубъ Щурлыга, явившійся къ вѣнцу въ качествѣ грамотнаго человѣка, склонилъ голову и сталъ „окуней ловить“. Миронъ отодвинулъ его въ уголь и поднесъ даже кулакъ къ носу, угрожая поколотить, чтобы только онъ, Щурлыга, стоялъ тихо, „якъ слѣдъ быть“. Здѣсь Щурлыга прихинулся къ стѣнѣ и закрылъ глаза.

Вотъ кончилась заутреня, и батюшка сталъ срамить „безобразіе сватовъ“. Пилипъ, стоявшій впереди, сильно покраснѣлъ, потупилъ еще больше голову, съ укоризной поглядывалъ на Мирона. Дружина пряталась другъ за друга, ожидая, что Миронъ скажетъ что-либо въ оправданіе, но у Мирона пересохло горло, и измѣнило краснорѣчіе. Онъ чмыхалъ и кашлялъ совѣмъ неестественнымъ

образомъ, очевидно, для того только, чтобы скрыть свое смущеніе.

Дьячекъ же, когда кончилось батюшкино „казанье“, взялъ обыскную книгу подъ мышку, и направился изъ церкви въ караулку. За нимъ длинной вереницей потянулись сваты и прочіе богомольцы.

Въ караулкѣ все столпились около маленькаго столика, гдѣ была развернута брачная книга. Дьячекъ вынулъ изъ кармана замерзшую чернильницу и сталъ отогрѣвать ее около печки, а потомъ раскрылъ книгу и 1-ю страницу и написалъ молча, изрѣдка только спрашивая: „какой деревни?“ — „Какой волости?“ Переворотивъ же на другую сторону, онъ сталъ требовать собственноручной подписи.

— Женихъ грамотный? — спросилъ онъ.

-- Я за его, — отвѣчалъ Захвей Сусуль, подступая къ столу.

— Ну, иди, расписывайся.

— Могимъ, — промычалъ Сусуль, и, качнувшись всеѣмъ корпусомъ, отчего столъ сильно наклонился къ окну, помахалъ нѣсколько разъ перомъ надъ книгой, поворотилъ на бокъ голову, скривилъ ротъ и сталъ выводить „Изохватъ Сусуль“.

— А ваша свадьба, видно, съ гукомъ, — сказалъ дьячекъ, оглядывая совершенно пьяныхъ сватовъ.

— Да, ништо сабѣ, паночекъ... По настоящимъ годамъ и етаго хапайтъ... Эта не старецкіе годы! — отвѣчалъ Миронъ.

— У васъ же, слышно, шесть ведеръ брали.

— Да што расходы считать... расходау довольно! Во за вѣнецъ упакау пятерку... Опять же за заповѣди... сорокъ, кажись, копеекъ...

— Да это не мнѣ...

— Мы вѣдаимъ, што пану мало перепадеть. Али усе-жъ до расходау касается. За заповѣди батюшкѣ — 40 коп., на сговоръ — пѣтушка, кусокъ наметки. А якъ у ихъ пошло на задоръ ⁷⁷⁾ зъ матушкой, — што пѣтушокъ не корыстный, — такъ пришлось Федору и гусенку отнести... Да, правду сказать, и пѣтушокъ у замѣнъ не воротіуся... Теперь считай: коровай отнесли, водки середовой кварту... Усе возьми-тка съ бѣднаго мужика...

— Что-жъ ты считаешь всякіе пустяки... А сколько, скажи, вы пропили?

---

⁷⁷⁾ Недоразумѣніе.

— Што мы пропиваемъ? Мы пьемъ, паночекъ, оттого, что уси пьютъ, — во што! Во не принеси горѣлки батюшкѣ, — и свадьба пойдеть не тымъ трахтомъ, — неправду развѣ кажу?

-- Ну, ладно, ладно... ты ужъ распустишь языкъ, — и царствію не будетъ конца... За невѣсту кто распишется?

— А вотъ — цимбалистъ, — сказалъ Миронъ, выдвигая изъ толпы самаго яраго грамотея.

Щурлыга сѣлъ на Сусулево мѣсто, растегнулъ кожухъ, растопырился на всемъ столѣ и сталъ выводить «Щурлыга», при чемъ послѣднія буквы „г“ и „а“ вышли изъ прямой линіи и зашли въ графу «поручителей». При видѣ этой аномаліи, дьячекъ рванулъ перо изъ рукъ Щурлыги.

— Куда ты лѣзешь, ворона? Не видишь — тутъ поручители! А еще считаешься грамотеемъ... Смотри: какое ты „щ“ нарисовалъ! Это не „щ“, а борона еловая!

— Вѣдомо, паночекъ, коло бороны ходить, — замѣтилъ ухмыляясь, Миронъ... — Наше дѣло боли коло дровъ, да коло земли, а бумага диликатна, тутъ надо съ увагой...

— Да къ тому со свадьбы руки, какъ грабли, — съ ироніей добавилъ дьячекъ.

Щурлыга потупился и не зналъ, — обижаться ему, или принять все эти комплименты за шутку.

— Кто поручителя? — спрашивалъ между тѣмъ дьячекъ, спѣша покончить съ обыскомъ, такъ какъ уже начали прозванивать къ обѣднѣ.

— Якіи поручители? отозвался Юрка.

— А вы кто?

— Мы Пилиповы братеники.

— Это все равно. А вы кто?

— Мы — невѣстины надкосники.

— Идите расписывайтесь.

— Низвините, паночекъ... мы не наложены.

— Ну, просите расписаться.

— Просимъ васъ, цимбалистъ!

— Не надо больше цимбалиста... Еще куда-либѣ залѣзеть эта ворона... Иди ты, Сусуль!

Сусуль расписался. Дьячекъ попросилъ принести „на засыпку“ пеплу. Миронъ полѣзъ въ печку, копнулъ тамъ палкой и схватилъ уголь въ пипку, а жменю пепла высыпалъ на книгу.

— Ты бы ужъ лучше принесъ полную полу, — недовольнымъ тономъ пробурчалъ дьячекъ, поспѣшно сбрасывая гору пепла, скла-

дывая книгу и направляясь въ церковь читать часы.

Поѣзжане отдохнули въ караулкѣ, подбодрились и пришли въ церковь къ «апостолю». Они ступевались въ толпѣ, довольные, что теперь ихъ никто не замѣчаетъ. Позъывая чуть не во весь голосъ, почесывая поясицы, сваты ждуть не дождутся, когда ихъ молодыхъ „отпоютъ“. Миронъ не разъ уже выходилъ изъ церкви, чтобы посмотрѣть коней, взглянуть на Селедца, который, какъ замѣтилъ онъ еще въ окно церкви, къ этому времени проснулся, кричалъ, размахивая руками и ногами, требуя, чтобы выдали ему молодыхъ, иначе онъ (Селедецъ) безъ „усякаго усяго“ пойдетъ къ жидамъ, обогрѣется и „у веселля не поѣдитъ“...

— Потому, — слышенъ былъ его охрипшій голосъ, — якии ета порядки, — лежать на колесахъ!.. на вѣтри!.. Коли табѣ дметъ у голову... Мнѣ молодыхъ дава-а-ай!

Миронъ принялся его урезонивать, увѣряя, что „молодыхъ скоро отпѣютъ“...

— А ты мнѣ сичасъ давай... А не хочешъ — не надо... А мое поштѣніе Щурлыгѣ!

Миронъ развелъ руками: изъ церкви приплелся Щурлыга и бросился въ объятія Селедца.

— А хула табѣ, Божа, заплѣли оба товарища.

Што наша удалося-а-а!

Попа ошукали,

Пару людей повѣнчали и-и!

— Да тиху вы — духъ зѣ васъ вонь! Што вы горло дерете у пустое! Еще вѣнца не было, а яны ужо повѣнчали... Тиху, вонь сторожъ махаить, што-бѣ не пѣли.

— А намъ якое дѣло! Чортъ ихъ усѣхъ бери! Нихай яны хоть у вирь, а бы намъ пирь! — кричалъ Селедецъ, хватая за плечи Щурлыгу и скатываясь съ нимъ въ грязь, прямо подѣ оглобли.

Миронъ бросился было поднимать товарищей, но въ это время приближалъ Захвей Сусуль и заявилъ, что молодыхъ сейчасъ къ вѣнцу будутъ ставить, а безъ Мирона порядку нѣтъ. Миронъ поспѣшно оправилъ армякъ, подтянулся, подвязалъ съѣхавшее подѣ мышки полотенце и побѣжалъ въ церковь.

Вотъ молодые вылѣзли изъ толпы, опустили взоры въ землю и медленно стали подвигаться къ аналою. Сторожъ махнулъ рукой, давая тѣмъ знать, чтобы сватья стлала подножникъ. Шаферка Филипа перешепталась со сватьей, моргнули обѣ Мирону, Миронъ шепнулъ что-то на ухо Панасу, Панасъ по-

дошелъ къ Сусулю и вытащилъ у него изъ кармана кусокъ полотна и передалъ сватьѣ, сватья постлала полотно около аналоя, и сплошная стѣна мужчинъ и бабъ придвинулась къ молодымъ, стараясь смотрѣть имъ прямо у „зрѣнки“.

Вышелъ священникъ, долго урезонивалъ бабъ, чтобы онѣ не тиснулись, чтобы онѣ „хоть сколько-нибудь были бы похожи на людей“, указывалъ на близость престола, требовалъ, чтобы уходили лучше изъ церкви, чѣмъ зѣвать въ церкви...

Бабы немножко оттиснулись, даже машинально стали креститься, но вскорѣ опять придвинулись къ аналою. Мужчины проявляли не меньше любопытства. Стоявшіе впереди надкосники и братеники употребляли большое усиліе, чтобы всей тяжестью не обрушиться на молодыхъ. Сторожъ, по знаку бабюшки, сталъ отодвигать толпу къ стѣнѣ, безпрестанно повторяя:

— И якій вы есь народъ, на свѣти, што у васъ уваги нѣтъ ни у чемъ!

Но вотъ обрядъ кончился. Молодые, окруженные своей свитой, поспѣшили къ телѣгамъ, гдѣ уже Щурлыга распѣвалъ: «До дому сваты, до дому, — поѣли коники солтому-у!»

Поѣзжане уѣлись. Миронъ съ помощью Юрки сталъ поднимать Селедца изъ грязи. Въ это время вышелъ изъ церкви сторожъ и сталъ махать рукой, подзывая Мирона.

— Водку—бутылку несите!.. Што это вы не отдали за вѣнецъ бутылки?

Но Миронъ уже взвалился на телѣгу и оттуда кричалъ:

— Ладно, братокъ, скажи батюшки, што за пять рублей не одну бутылку купить!

Я не буду останавливать вниманія читателя на томъ, какъ свадебный кортежъ несея въ Кривулино во всю прыть; какъ сваты, за исключеніемъ окончательно охрипшаго Селедца, выкрикивали на разные мотивы свадебныя пѣсни; какъ Миронъ пустилъ своего пѣгаго копшука «на перегонки» съ копшукомъ Юркинымъ; какъ Панасова телѣга зацѣпилась за Селедцову колымажку; какъ послѣ того Селедецъ, растянувшійся во весь свой длинный ростъ, потерялъ равновѣсіе и упалъ въ канаву; какъ онъ (Селедецъ), погрузившись въ топкую грязь, призывалъ оттуда грома перуна («кабъ тебе Перунъ спали!») на голову Панаса и его сродниковъ, какъ, наконецъ, Панасъ съ помощью Юрки взва-

лил Селедцово тѣло на телѣгу и сталъ догонять умчавшихся впередъ товарищей. Всѣ эти подробности, думаю, знакомы читателю. Однакожъ я долженъ упомянуть еще, что сваты немножко своротили въ сторону прежде, чѣмъ пріѣхали въ Кривулино. Не думайте, однако, что они замѣтили рогатку или испугались чаровника. Сватамъ просто захотѣлось — „покуль што“ — промочить горло, и они заѣхали къ Хаськѣ, — той самой Хаськи, которая умѣетъ выручать мужичка „въ минуту жизни трудную“, — въ тѣхъ случаяхъ, когда „винополя передъ самымъ носомъ двери затворяетъ“. Хаська изрядно угостила поѣзжанъ и даже похвалила ихъ „за хоросаво пѣсни“. Въ компанію сватовъ неожиданно затесался и вышеозначенный Левонъ-чаровникъ, который, безъ сомнѣнія, залетѣлъ сюда, потому что „нечистая сила всегда вѣдаить, гдѣ какое што“. Левонъ на этотъ разъ былъ очень милостивымъ къ молодымъ. Онъ нѣсколько разъ цѣловался съ Пилипомъ, хлопалъ по плечу Мирона и нисколько, повидимому, не сердился на Селедца, который часто называлъ его (Левона) «чортовой лялькой» ⁷⁸). Въ такихъ случаяхъ Миронъ толкалъ Селедца „подъ микит-

---

⁷⁸) Куклой.

ки“ и шепталъ ему о чемъ-то на ухо. Селедецъ морщился, корчилъ брезгливую рожу, косился въ сторону „чертовой ляльки“, но комплиментовъ больше по его адресу не рѣшался „отсмаливать“.

Я не буду также подробно рассказывать, какъ поѣзжанъ напутствовала Хаська; какъ Селедцово тѣло укладывали на телѣгу; какъ Миронъ упрашивалъ Левона не „псувать“⁷⁹⁾ веселя; какъ Левонъ хотѣлъ протанцовать трепака, но съ третьяго колѣна „замитусился“ и упалъ прямо къ ногамъ Хаськи; какъ, наконецъ, свадебный кортежъ со страшнымъ гойканьемъ отправился въ дальнѣйшій путь, заставляя прохожихъ далеко уходить съ дороги и вызывая гойканьемъ завываніе собакъ въ окрестныхъ деревняхъ.

Въ домѣ невѣсты, между тѣмъ, хозяева и гости, утомленные ночными увеселеніями, спали „какъ пшеницу продавши“. Всѣ нары лавки и кутокъ около жернова были устланы распростертыми въ различныхъ позахъ тѣлами. Ноги Тумаша Хмараго, который позже всѣхъ гостей „угомонился“ и до самаго послѣдняго времени ругался съ Рыпиной Кри-

---

⁷⁹⁾ Не портить.

воротой, торчали около окна, между тѣмъ, какъ весь корпусъ съѣхалъ подъ лавку, руки уцѣпились за опрокинутое корыто. Тумашъ Хмарый лукаво улыбался, очевидно, представляя себя побѣдителемъ „язычливой бабы“, скривлялъ ротъ, свистѣлъ носомъ, покрикивалъ, разводилъ руками, какъ бы ища кого схватить въ объятія. На печи также виднѣлись ноги: тамъ спало штукъ шесть разныхъ сортовъ бабья. Бабы спали богатырскимъ сномъ, съ „храпомъ“ и „чавканьемъ“. Самъ Трофимъ не могъ больше вести „хозяйскіе порядки“. Онъ не въ силахъ даже былъ выгнать изъ сѣней цѣлую полдюжину деревенскихъ поросятъ, и лежалъ теперь на нарахъ вмѣстѣ съ троими ребятами, склонившими маленькія головки на его грудь.

Отъ сватняго крику-гомону въ Трофимовой хатѣ стекла задрожали, но сонное царство «глазомъ не моргнуло».

— Во кому Богъ даетъ на здоровье! — кричалъ ввалившійся въ хату Миронъ. — Мы ѣдимъ, знаццамъ, на стюжѣ колѣемъ⁸⁰⁾, а ены во... якъ дровы!

---

⁸⁰⁾ Зябнемъ, простуживаемся.

— Ти вы померли?! Тумашь! Гляди, гдѣ твои ноги? Учешіуся у корыто... глядите, братцы!

Показался въ дверяхъ Селедецъ. Онъ ужъ разинулъ ротъ, чтобы разбудить сонное царство, но вмѣсто грома послышалось хрипѣнье. Селедецъ „нажимался“, хваталъ за горло и чуть слышно провизжалъ: „попа-ашука-али!“.

Миронъ слегка колонулъ Трофима, Трофимъ „продралъ вочи“ и крикнулъ: «Аксинья!» Аксинья, спавшая на печи рядомъ съ Рыпиной, „кубаремъ“ слетѣла на нары. Прочія бабы медленно сползали на припечекъ и стали кутаться въ „хустыки“.

Аксинья побѣжала „со всѣхъ ногъ“ навстрѣчу молодымъ, которые стояли въ сѣняхъ „безъ усякаго усяго“.

— А, дѣтки мои любые, завизжала Аксинья, цѣлуя то Пилипа, то Ганулю, никто васъ не витаить... Я трошку прилегла, задремала, ажъ уже вы и со шлюбу... Ну, идите-жъ мои зезюльки! Во тутъ сидайте!

Молодые вошли въ истопку и сѣли около перевернутой вверхъ дномъ кадки. Аксинья быстро состряпала имъ яичницу на салѣ и принесла полбутылки водки,

— Ну крѣпитесь, Богъ вѣдаить коли ѣли... Во вамъ и ложка, а во и видѣльцы,— говорила Аксинья, вытаскивая подтиснутую въ потолокъ вилку... Ну, доглядай же тутъ, Ганулька, Пилипку, а я пойду хату прибирать.

Молодые, оставшись одни, сидѣли неподвижно, изрѣдка поглядывая другъ на друга и не зная, чѣмъ начать бесѣду касательно новой, невѣдомой имъ еще жизни. Гануля нѣсколько разъ подвигала къ Пилипу яичницу, положила на край кадки ломоть хлѣба, но Пилипъ оставался совершенно равнодушнымъ, и голова его опустилась внизъ, какъ и при тѣхъ моментахъ, когда начиналось веселле.

„Вотъ, думалъ онъ, я и со шлюбу... Закрутиу голову навѣкъ. Живи тепера съ етой Ганкой... А все батькина работа... Коли-бъ matka жива была, еще много пришлось бы погулять... Усе на корову галуся ⁸¹⁾... А корову отъ Трофима не дужа стягнишь.. Самъ съ подтелкомъ останецца... Дѣти малыя... во што“...

— Што же вы!—закричала Аксинья, видя, что молодая чета сидить, «якъ облизанная». Нечего вамъ уже стыдицца... Прошло

⁸¹⁾ Возлагалъ надежду.

тое, што было... Давай сюды, Ганулька, ложку... Ну черпай... Та-акъ. Теперь ты Пилипка... Съ одной ложкой, дѣтки, ѣшьте — одни думки будутъ... Во та-акъ. Теперь горѣлочки... хоть пригубьте...

Молодые „пригубили“ и потупились.

— Ну теперь пойдемъ къ гостямъ, — командовала Аксинья, хватая за руки молодыхъ.

Молодые вошли. Въ хатѣ начался уже сваддебный разгаръ. Во всю длину Трофимовой хаты разставлены были столы. Гости ожидали, скоро ли займутъ молодые красный уголь, и когда тѣ усѣлись, стали занимать мѣста въ порядкѣ — по степенямъ родства и по участию въ заключеніи брачнаго союза (сваты, надкосники).

Бабы стали около стола и запѣли на мотивъ „Хула табѣ, Божа“:

Вы — гостики, вы любьи!

Просимъ васъ:

Да пейте вы, гуляйте вы

Туть у насъ!

Да есь у насъ

Бочечка вина —

Усе дли ва-асъ!

Выпите туую,

Дадимъ другую —

Усе длі ва-ась!
А есь у насъ
Сивыи кони
На стайни...
А хоть сивыхъ коней
Заставимъ,
Для любыхъ гостей,
Вина-меду доставимъ...

Гости принялись за разставленные яства послѣ длиннаго „примуса“ и нѣсколько разъ обогнанной рюмки. Меню сегодняшняго ужина составляли: печистое, колбасы, капуста сырая, масло и сырѣ.

Музыка играла. Бабы пѣли, не переставая, и ни въ одномъ пунктѣ не сходясь съ музыкой. Гости за столомъ все больше и больше одушевлялись.

Собравшаяся молодежь съ нетерпѣніемъ ожидала, скоро ли затрапезники выпустятъ изъ-за стола музыку, чтобы начать танцы.

Когда вечерняя заря потухла и кроткій ликъ луны подвинулся отъ лѣсу къ Трофимову току, гости достаточно насилковались. Рыпина Криворотая запѣла:

Гостики попатѣли,
Скакать захотѣли.

Черевички свищуть ⁸²⁾,
Погуляння ищуть.

Гости выльзли изъ за стола и молодежь подвинулась отъ порога къ лавкамъ. Миронъ первый „пустился въ плясъ“. Онъ вышелъ на средину хаты и, спотыкаясь, размахивая руками и стараясь притопывать ногами, скороговоркой запѣлъ:

Такъ-сякъ молотила,
Шестакъ заробила,
Черевички купила,
По соломци ходила,
Черевички зносила-а!

Прочіе гости затагнули въ одинъ тонъ: у-у-у!... Селедецъ, едва стоявшій на ногахъ, искренно желалъ присоединиться къ хору, но горло окончательно „закрясло“, и онъ вытянулъ впередъ голову, показывая, что вотъ, молъ, какъ Богъ меня покаралъ: „людцы кричатъ, а я только чмыхаю!“

Когда молодежь затанцовала, мужчины разлеглись на нарахъ, на палатяхъ, на печи и оттуда аккомпанировали музыкѣ, напѣвая и отбивая въ тактъ руками и ногами, а иногда лихо подсвистывая, или поощряя танцо-

---

⁸²⁾ Скрипятъ.

ровъ: „ай, лоуко, вовкъ тебе зъѣшь! во ноги!.. а-ахъ! чертова лялька“!

Когда дошла очередь до трепака, то Миронъ началъ подпѣвать: „лопъ-лопъ! молотила! Лопъ-лопъ! молотила!“

Тумашъ Хмарый долго крѣпился, пристукивалъ ногами на нарахъ и, накочецъ, несмотря на увѣщанія публики, что, молъ, не „тщи годы, чтобъ съ трепакомъ связывацца“, сползъ со своего ложа и началъ „ковыляцца“ на одномъ мѣстѣ, стараясь раскинуть ноги „якъ слѣдъ быть“. Молодежь помирала со смѣху и дала дорогу Тумашу. Тумашъ сталъ выдѣлывать па посмѣлѣе, но около печки зацѣпился за колодку и со всего размаху полетѣлъ къ жернамъ, толкнулъ топчанъ, свернулъ кадку съ мякиной, разбилъ на топчанѣ жбанъ съ молокомъ.

— Я табѣ казау, што не тщи годы— кричалъ Миронъ.— Во бѣды хозяйкамъ наробиу... Тягните его, мальцы? Бери съ боку! Суньте теперь на палати! Во, братъ, гдѣ твое мѣсто... А съ молодыми связываешься... Лопъ-лопъ! молотила!.. У-у-у!

Селедецъ также хотѣлъ присоединиться къ общему хору и шопотомъ началъ просить Мирона, чтобы онъ и за него немножко „потягну“...

Вскорѣ сваты были въ объятіяхъ Морфея. Молодежь танцевала до утра, предоставленная всецѣло самой себѣ и, наконецъ, всѣ они разбрелись по домамъ или растянулись по лавкамъ и около печки.

На утро въ опустѣвшую хату ворвались изъ сѣней свиньи и гуси и начали все опрокидывать вверхъ дномъ. Куры, долгое время кричавшія на разные голоса и не получавшія корму съ начала веселья, выломали рѣшетку и подняли страшное кудахтанье. Бѣлобокій лѣтухъ взлетѣлъ даже на нары, здѣсь нѣсколько разъ пропѣлъ свое кукуреку и началъ расхаживать по тѣламъ спавшихъ. Но никто изъ гостей не проснулся. Сѣрая хохлатка взлетѣла на печь и оттуда перекликалась съ „перепелесою“ подругой, взобравшейся на палати. И долго царилъ бы еще хаосъ, учиненный въ хатѣ животными, почувствовавшими себя свободными отъ жестокой руки человѣка, если бы „кормный“ подсевинокъ изъ сосѣдней (съ Трофимовой) хаты не присоединился къ кампаніи, производившей беспорядки въ той хатѣ, гдѣ такъ недавно столъ былъ полонъ яствъ. Кормный подсевинокъ, какъ и слѣдовало ожидать, вступилъ въ единоборство съ чернымъ подсевинокъ, претендовавшимъ на полновластнаго хозяина и уплетавшимъ

выброшенную изъ корзины картофель. Кормный боровъ сразу сбиль съ пезици чернаго. Стукъ, произведенный этимъ сраженіемъ, а равно страшное гоготанье гусей, которыя „уцупились“ въ подсвинговъ и били ихъ крыльями, разбудили Аксиною. Она вскочила съ печи, какъ ужаленная. Я не могу описать вамъ тотъ страшный гнѣвъ, коимъ воспылала хозяйка! Я часто ее видѣлъ сердитой, я знаю, какъ страшно бываетъ ея лицо, когда она набрасывается на вышившаго Трофима. Но въ эту минуту она свѣту „Боскаго не видѣла“. Кочерга летала, какъ стрѣла. Кормный подсвинокъ пошелъ домой на трехъ ногахъ; черный получилъ ударъ во всю длину спины; гуси летомъ вылетѣли на „дешникъ“; куры справили гвалтъ на всю хату. Онѣ летали надъ головами спавшимъ гостей, а слетавшая съ печи сѣрая хохлатка царапнула даже по носу Мирона, который крѣпко выругался, чихнулъ и проснулся. Прочіе гости тоже поднялись съ своихъ ложъ. Каждый „теребился“ на разные манеры. Почесывали головы, поскребывали спины, подперасывали кожухи, поправляли лапти, всклокочивали волосы. Трофимъ побѣжалъ въ истопку и привелъ музыканта, который чуть-чуть продралъ глаза. Музыкантъ подошелъ къ Мирону и сталъ выска-

зывать ему, какъ комлявому свату, свои пожеланія съ добрымъ утромъ.

— „Дай день добрый, пане свате“, — заплѣли съ прищечка бабы подѣ мотивъ, выводимый на скрипкѣ музыкантомъ:

Да дай, Божа, рано встати,

Развеселитися,

Горѣлки напитися...

Гости встали, однако, очень „хмарыми“. У всѣхъ головы были тяжелы, какъ свинцомъ налитыя, у всѣхъ въ ушахъ „якъ у двѣнадцать цѣповъ молотють“, какъ будто кто обухомъ „сѣздилъ“. Ахъ, какъ тяжело, просто на свѣтѣ жить не хочется! А какъ тяжело подѣ горломъ, подѣ грудьми, подѣ ложечкой. Лидаикъ все нутро переворачиваетъ! Селедцова же голова просто трескалась на части. Онъ совсѣмъ не въ состояннн былъ выпрямиться. Горло еще больше сжалось. Онъ едва переводилъ духъ и шопотомъ разьяснялъ, какъ „ему худенько“.

Трофимъ побѣжалъ въ истопку и принесъ „гарцовку“. Всѣ спѣшили занять мѣста около стола, чтобы поскорѣе потушить тотъ страшный огонь, который беспощадно пожиралъ нутро сватовъ.

Солнце проникло въ узенькое оконце Трофимовой хаты. Гости опять начали пиро-

вать, балевать, молодыхъ величать, и время незамѣтно пролетѣло до вечера понедѣльника.

V.

Съ понедѣльника на вторникъ въ домѣ Трофима веселье шло „своимъ чередомъ“. Гости сидѣли за столами и не слышали, какъ вторые пѣтухи пропѣли. Угощеніе не сходило со стола, водка не изсякала. Что-жъ больше надо? Людцы шумятъ, „гавэнда“ не перерывается. Идетъ все, какъ по маслу. Остается, значить, „спасибо казать“ добрымъ сватамъ и благодарить Бога, что не нахлынули „на-хратники“⁸³⁾.

Я не скрою отъ читателей, что маленькая „черная кошка“ пробѣжала, однако, въ мирную бесѣду пирующихъ и при томъ съ „того конца“, съ кото аго меньше всего можно было ожидать. Дѣло изъ-за коней началось. Какъ помнятъ читатели, помогайла комляваго свата — Ивановичъ пріѣхаль на „стрекатомъ“ кошшукѣ. Этотъ стрекатый кошшукъ теперь мирно жеваль солому (которую онъ сдираль съ Трофимова хлѣвка) и не подозрѣваль, что изъ-за него сырь-боръ загорѣлся.

---

⁸³⁾ Враги, въ родѣ, напр., чаровника Левона.

Ивановичъ началъ „на чемъ свѣтъ стоитъ“ хвалить своего коншука. Его коншукъ, еще будучи маленькимъ, — „вонъ якая удача быу“. Бывало „якъ прыгнетъ, якъ скокнеть — у-ухъ“! Жонка выйдеть — косикъ-косикъ: ни близко! Ребята лащутся — Боже упаси! А онъ, Ивановичъ, лишь бы только сказалъ: „псюлька!“ — и конь „летить, якъ молонья!“

— Боже упаси, што за конь, заключилъ Ивановичъ, — размахивая руками: — и въ свѣти нигдѣ не сыщешь!

Предоставляю судить читателю, какъ возмутился, слыша такія рѣчи, комлявый свать, который имѣлъ кобылку, очень „складную“ и очень легкую на ногу. Кобылка эта еще „неподлѣтная“, всего „по вторымъ жеребку“. Ивановичъ, описывая свою „псюльку“, упустилъ изъ виду, что эта кобылка неслась вторей, когда свадебный кортежъ отѣзжалъ отъ церкви послѣ „шлюбу“. Миронъ метнулъ гнѣвнымъ взоромъ въ сторону Ивановича и стукнулъ по столу.

— Кабъ я на мѣсти провалюся, коли есь што доброе у твоёмъ жеребку, — закричалъ онъ. У твоёмъ роду николи добрыхъ коней не было...

— У мене? не было? Кабъ я выдохъ, коли мой жеребенокъ не обгонитъ твою падлу!..

— Мою падлу?! закричалъ Миронъ, растягивая воротъ кажуха. Лопнишь пузо у твоего жеребка, коли енъ насупротивъ поидеть съ моею кобылкой...

— Лопнишь ты самъ! На твоей кобылѣ только жиду горшки возить...

— Щирвонѣй твоя голова! Жарты лѣзить съ жеребенкомъ... Што я не видіу?

— Лопни твои вочи, коли ты видіу!

— Спечи тебе пекотка!

— Отсохни табѣ языкъ!

— Выхварѣй твоя голова! Коли-бъ вѣдали, не брали-бъ... съ такими конями.

— Што ты казуу?—закричалъ Ивановичъ, стараясь приблизиться къ Мирону.

Публика насторожилась. Однимъ было непріятно видѣть размолвку главныхъ заправиль свадьбы, другіе, осебенно подростки, съ нетерпѣніемъ ждали, что вотъ-вотъ начнется потасовка. Безъ сомнѣнія, дѣло около зубовъ ворочалось. Хотя, какъ извѣстно, каждый цыганъ свою кобылу хвалить, тѣмъ не менѣе нельзя было Мирону оставить вопросъ о кобылѣ открытымъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ комлевый свать и за его кобылой, дѣйстви-

тельно, было много прекрасныхъ качествъ, и Ивановичу навѣрное пришлось бы увѣриться, что Миронъ не только силенъ въ краснорѣчіи, но и отъ руки его можно безъ зубовъ остаться“.

Этотъ непріятный инцидентъ былъ, однако, улаженъ Юркой. Онъ предложилъ вмѣсто „пустой гаванды“ привести въ хату вышеописанную кобылку на общій судъ. Всѣ гости необыкновенно обрадовались такому обороту дѣла. Долго они отъ удовольствія чмыхали, нюхали табакъ, кашляли, утирались полами. Трофимъ же воспользовался этимъ моментомъ, чтобы попросить гостей выпить по чарочкѣ. Гнѣвъ постепенно началъ исчезать съ лица Мирона. Ивановичъ также мягче на него по-сматривалъ.

Юрка не только помирилъ враждовавшихъ, но и внесъ не мало веселья въ застольную бесѣду. Онъ одѣлся цыганомъ: нахлобучилъ шапку на правое ухо, перепоясался по нижней части живота краснымъ шарфомъ, выпачкалъ лицо сажей, прицѣпилъ бороду изъ кудели и ввелъ Миронову кобылу, держа подъ уздцы, въ хату, прямо къ столу.

— А што бачька,—началъ онъ, ломая языкъ на цыганскій жаргонъ: во кобылка, дыкъ кобылка!

— Тады и коня цѣни, коли у зубы поглядишь!— замѣтилъ Трофимъ.

Кобылка встряхнулась и потянула голову къ столу. Ребятишки окружили ее со всѣхъ сторонъ и протягивали ручки, чтобы погладить ее. Гости встали изъ-за стола и стали осматривать зубы, трепали гриву, гладили голову.

— Што не покупаешь, ды неча лѣзть, батька, говорилъ Юрка, отискавая толпу... Кобыла якъ кобыла, да гроши у васъ не хватить...

— Кобыла складная, што и говорить! сказалъ Тумащъ.

— Да, Ивановичевому жеребку и не близко!— подтвердили въ толпѣ.

И Юрка при общихъ похвалахъ вывелъ кобылу подъ стрѣху Трофимова сарая.

Можетъ быть гости нѣсколько пристрастны были къ Мирону, принимая его положеніе въ свадебномъ пиру, можетъ быть кобылка „взяла ростомъ“, оттого, что въ хатѣ слишкомъ низки потолоки, но Ивановичъ долженъ былъ повиноваться голосу міра. Онъ замолкъ, ступевался въ толпѣ и долго сидѣлъ, какъ „оближенный“... За всѣ удовольствія Юрка былъ убогаторень пятью рюмками, которыя онъ проглотилъ очень поспѣшно, раскланявшись

то съ тѣми, то съ другими изъ надкосниковъ.

Другимъ замѣчательнымъ событіемъ этого вечера былъ танецъ „жабка“. Жабка танцуется въ тѣхъ случаяхъ, когда гость бываетъ приблизительно на 7-мъ взводѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, Селедецъ скоро очутился въ такомъ состояніи и, къ большому удовольствію почтеннѣйшей публики, мастерски протанцовалъ „жабку“. Онъ уперся руками въ землю, протянулъ ноги къ порогу и сталъ кричать, подобно лягушкѣ, сгибаясь въ „крыжовинѣ“ и протягивалъ голову впередъ.

Когда пропѣли третьи пѣтухи, Аксинья принесла на столъ огромную миску кислой капусты. Это означало, что часъ отъѣзда гостей настаетъ.

Начался подборъ „приданныхъ“, т. е. тѣхъ лицъ, которыя повезутъ невѣстину приданое. Для сей цѣли нужно три пары мужчинъ, съ ихъ жонами, надкосники и 2 боярки.

Настало время платить выкупъ за приданое невѣсты. Выкупщиками, по условію, должны явиться сваты, со стороны Пилипа — камлевый свать, его помогайло, Панасъ Юрка. За скрыню, какъ помнитъ читатель, нужно заплатить 50 коп., а за постель — 25 к.

На скрыню посадили маленькую внучку родной сестры Аксиньи. Она держала въ рукахъ небольшую глиняную тарелочку. Сваты начали въ третій разъ раскошелиться. Звонкая монета стала подпрыгивать въ тарелкѣ. Сваты лукаво поглядывали другъ на друга, думая какъ-нибудь увильнуть отъ уплаты полной суммы. Женихъ и невѣста стояли въ сторонѣ и о чемъ-то изрѣдка перешептывались.

При обчетѣ — гривеника не хватило. Бабы со стороны невѣсты стали урезонивать „приданныхъ“. Приданные снова полѣзли въ карманы, снова отстегивались, подпоясывались, рылись въ копшукахъ и шептали одинъ другому на ухо, до седьмого пота споря и доказывая, что „ни за мной остановка, а за имъ“.

Точно такія же пререканія происходили и у постели, перевязанной поясомъ съ красными кутасами.

Но вотъ, наконецъ, все счеты покончены, скрыня и постель вынесены на сани къ Терезкѣ, по прозванію — „Безполый армякъ“. Терезкѣ въ напутствіе дали стаканъ водки и выправили впередъ, въ домъ Ѳедора. Прочіе гости въ послѣдній разъ сѣли за столъ.

Бабы запѣли:

Сядимъ, мамухна,
Повячеряимъ съ тобой,
Повячеривши, подѣлямся
Съ тобой.

Хай табѣ, мамухна,
Новыя сѣни--каморка,
А мнѣ, молодѣ,

Скрыня полотень - коровка!

Молодая залилась слезами. Прочія бабы поникли головами и тоже заплакали. Мужчины, чтобы не видѣть этой сцены, отворачивали взоры къ окну или къ порогу. Аксиныя десять разъ цѣлуется съ Ганулькой, называя ее милой дитятухной, которую она съ „малыхъ день поила-кормила, съ глазъ не спускала“.

Приданные отступили къ порогу и начали раскланиваться.

— Прошу забачить, гости любый, — кричали бабы, провожая „приданныхъ“ за порогъ. — Можа чимъ угиѣвили, ти докучили!

— Прости, сваття, мы табѣ голову отглумили, — извинялись въ свою очередь приданные, усаживаясь на телѣгѣ.

Аксиныя вышла въ сопровожденіи Рыпины, съ лубкомъ овса и стала посыпать имъ поѣзжань.

Приданные ударили по конямъ, и тотчасъ въ воздухѣ повисло однообразное у-у-у!

За околицей въ передней телѣгѣ слышалась осипшая фистула:

Лаврута женицца,
Хавруту беретъ!
Вотъ табѣ Лаврута,
Хаврута-а-а!

Во второй телѣгѣ опущенная внизъ голова съ трудомъ выводила:

Я и родилась не была,
Куды мене матухна
Отдала-а-а!

Когда же подъѣзжали къ усадьбѣ Теодора, Пилипова шаферка запѣла во весь голосъ:

Отчини, матухна, новый дворъ,
Везу табѣ невѣсту на выборъ!
Отчини, матухна, свѣтлицу,
Вязу табѣ нявѣсту-дѣвицу!
Отвори матухна, оконце,
Вязу табѣ нявѣсту,
Якъ слонца.

Музыкантъ Захвѣй Сосуль продолжалъ:

Отвори, матухна, карицца,
Вязу табѣ нявѣсту сварицца!

VI.

Когда „приданые“ ⁸⁴⁾ въѣхали на Оедоровъ дворъ, сюда сбѣжалось дюжины двѣ деревенской дѣтвора. Всѣ знали, что молодая станетъ гостинцами надѣлать.

Гануля вытянула изъ повозки два мотка баранковъ и стала разбрасывать вокругъ себя. Ребятишки съ визгомъ бросались на добычу, спотыкаясь, падая въ грязь, а нѣкоторые вступали даже въ драку.

Въ сѣняхъ молодая опять стала бросать баранки. Два бѣлокурыхъ подростка стали шарить по полу и оба растянулись вдоль хатняго порога, загородивъ дорогу гостямъ, такъ что пришлось раздвигать толпу и спасать ребятъ отъ ушибовъ.

Въ хатѣ къ прїѣзду приданныхъ на убранныхъ столахъ стояли всякаго рода свадебныя кушанья. Поѣзжанъ усадили и стали угощать.

Бабы заплѣли:

Вы гостики, вы любы,

Просимъ васъ:

Да пейте жъ вы,

Гуляйте жъ вы,

---

⁸⁴⁾ Дружина Ганкина.

Якъ мы у васъ.

Да есь у насъ кони на стайнѣ

Усе для ва-сь!

А хотъ же мы

Гнѣдыхъ коней заставимъ,

Для любыхъ гостей

Вина-меду доставимъ!

Да есь у насъ

Бочечка вина,

Усе для ва-асъ!

Выпьите тую,

Дадимъ другую!

Гости, хотъ были сыты по горло, одна-кожь, чтобы не обидѣть хозяйку, принатужились и стали отламывать руками по куску мяса, а Ѳедоръ всѣ силы употреблялъ, чтобы гости выпили.

Гостямъ у Ѳедора было особенно весело, потому что бабъ собралось порядочно и бабы очень „крѣпкія на голосъ“. Мужчины неоднократно подносили имъ по рюмкѣ.

Бабы особенно часто повторяли скороговоркой:

Проша, проша, панове — гости,

Господарь неполый, на гости забылый!..

Проша, проша, панове — гости-и!

Когда гости повечерѣли, Ѳедоръ повелъ ихъ спать въ осеть. Здѣсь имъ были уже при-

готовлены постели. Вдоль черной закоптьлой стѣны въ осети настлали соломы и принесли лампу-копильню. Осеть была тепло натоплена.

Дружина двинулась къ мѣсту ночлега. Впереди несли водку и закуску. Приданные сильно спотыкались, пѣли пѣсни и хвалили хозяевъ.

Прежде чѣмъ улечься, гостямъ было предложено для болѣе спокойнаго сна выпить и закусить. Приданные выпили, распоясались и тотчасъ захрапѣли.

Когда утромъ стало свѣтло, къ току подошла толпа бабъ съ музыкантомъ во главѣ. Подошедши къ дверямъ осети, музыкантъ заигралъ, а бабы запѣли обычное привѣтствіе по адресу „приданныхъ“:

Дай день добрый,

Пане свате!

Да дай Бога рано

Встати,

Развеселитися,

Горѣлки напитися!

Приданные вылѣзли изъ осети, запачканные въ сажу, и въ страшно растрепанномъ видѣ. Бабы поднесли имъ большія миски съ водой. Приданные, умывшись и утершись, бросали по 2—3 копейки въ миску.

Музыкантъ также сталъ изъяслять притязанія на кошельки и копшуки гостей. Гости поморщились, но, все-таки, и его надѣлили, набросавъ мѣдныхъ денегъ въ отверстія скрипки (около подставки).

Гостей привели въ домъ и усадили за столъ, при чемъ подъ божницу помѣстили жениха и невѣсту.

Гости были очень апатичны, мало говорили, голоса ихъ осыпали, головы склонялись къ столу.

Настало время вести „молоду на воду“.

Бабы запѣли:

Не вѣдала молода.

Гдѣ вода;

Повели молоду

На воду.

Ведутъ на воду, обыкновенно, всѣмъ составомъ свадебныхъ лицъ, и въ этой церемоніи приняли участіе и тѣ, которые не удостоились получить приглашеніе на веселье. Однакожъ въ числѣ гостей не могли уже отыскать Селедца: послѣ „хабки“ онъ почувствовалъ себя „совсѣмъ худенько“ и яришедшая жена и двое сыновей унесли его едва живымъ и теперь „летали“ по селу, отыскивая „зелля“ или хоть „нашентаной воды“.

Длинной вереницей тянулись гости по направленію къ ручью, расположенному въ Федоровомъ огородѣ, за токомъ. Музыка идетъ за молодой и со всѣхъ силъ выводитъ: „Не вѣдала молода“. Цимбалистъ отбиваетъ по струнамъ совсѣмъ не въ тактъ. Кто былъ послабѣе на ногу, зашелъ только до разсадника и здѣсь отдыхаетъ; около канавки также лежали два охмелѣвшихъ гостя.

Гости подошли къ ручью. Гануля стала всѣмъ подносить закуски, а Пилипъ угощаль водкой.

Шутники стали обливать дѣвчатъ водой, а дѣвчата бросали на нихъ грязью, палками, перебѣгали черезъ ручей и оттуда ругали ихъ „иродой“.

Воротились домой, таща подъ руки ослабѣвшихъ гостей. На порогѣ хаты замертво упали два опьянѣвшихъ тѣла.

Хозяева въ послѣдній разъ накрыли столы и перелили въ бутылки два гарца. Гости переутомились, безучастно смотрѣли на хозяевъ и не обращали вниманія на приглашеніе. Музыка также разстроилась. Когда, такимъ образомъ, веселье „свелось на быки“, бабы выступили на сцену (онѣ воспользовались этимъ моментомъ, чтобы показать свое искусство веселить публику—не хуже самого

камляваго свата). Рыпина Криворотая побѣжала въ „кочережникъ“, взяла лопату и кочергу и, стараясь копировать скрипача и проводя кочергой по лопатѣ, запѣла:

Выпила—закусила,

Сама себѣ похвалила...

Я и великаго роду,

Пью горѣлку,

Якъ воду!..

И мой батька

Такой бы,

По три гарцы

У день піу;

Моя мати доброхоча,

Выпить кварту,

Еще хочить...

И, напѣвая, Рыпина отъ порога стала выплясывать въ круговую около стола и около нарѣ, затѣмъ, вышедши на середину, присѣдая, она запѣла другимъ мотивомъ:

А пошла-бъ я казака,

Да боюся мужика;

Сядить мужикъ за столомъ,

Да махаеъ рукавомъ.

Рыпина нѣсколько расшевелила мужчинъ, и Тумашъ протанцовалъ „жабку“.

Хозяйка принесла на столъ капусту. Гости поняли, что пора убраться во свояси.

Оставалось только выгнать молодых (которые сидѣли подѣ божницей) „з-зѣ каши“. Посажена мать Ганули поставила горшокъ каши, выворотила кожухъ, взяла рѣшникъ и стала имъ „стебать“ молодыхъ. Молодые вышли изъ-за стола, поклонились посаженной матери, и поцѣловали ея руки.

Бабы запѣли:

Чаго ты, лосю, чаго ты, лосю,

Къ землѣ прилегаешь:

Ти ты чуешь, ти ты вящуишь

Зимучку студзену?

Чую — не чую, вижу — не вижу,

Знаю, што не лѣточко будить;

Чаго Ганулька, чаго молодая

Такъ сильненько плачишь?

Ти ты чуешь, ти ты вящуешь

Свекорку лихого?

— Я сама вижу и люди гукують,

Што ня родный татка будить.

Мене молodu пошлють по воду,

Сами сядуть обѣдать.

Горы высоки, воды далеки.

Къ обѣду ни звярнуса...

Принести воды — на себѣ бѣды:

Каждому пить подать,

Малому по ковшику,

Старому по горшку,
Середнему по кубочку-у!..

Приданные заплакали. Невѣста залилась слезами.

Въ отвѣтъ бабамъ приданные осиплыми голосами заплѣли:

Стань, Ганулька, въ концѣ столу.

Мы на тебѣ наглядимся,

На дворѣ не рано:

Мы скоро разъѣдимся.

Стали пить отческое. Ѳедоръ изъ силъ выбивался, чтобы гости докончили гарцовку...

Вышли гости на дворъ и стали коней запрягать, а двѣ бабы чуть-чуть слышными голосами заплѣли:

Несчастливая година,

Нежалостливая родина,

Противъ темной ночи

Вонь гонюють,

Да и воротиковъ не отчинюють,

Да и дороженьки не покажутъ;

Не поѣдемъ домой сегодня,

Да и поѣдемъ мы завтра,

Поранюсеньку уставши,

По починочку ⁸⁵⁾ направши.

---

⁸⁵⁾ Напраденое веретено.

Господыня ⁸⁶⁾ гороху наварить,

Господарь дорогу показать.

Запрягши лошадей, гости въ послѣдній разъ пришли въ хату выпить отчешного. Когда же они вышли на дворъ и усѣлись на телѣги, то бабы запѣли:

Катилася шапка съ тоупу ⁸⁷⁾ долоу,

Съ тоупу долоу.

Бдыте вы, гости, съ Богомъ домоу,

Съ Богомъ домоу!

Приданные съ телѣгъ отвѣчали:

Катилося колесо съ клѣти—

Живите вы ладненько, дѣти!

* *

*
Гости разѣхались, Ѳедорова водка истощилась. Хозяйка, окончательно сбитая съ ногъ, полѣзла на печь. Хата на время опустѣла; но подъ вечеръ сосѣди одинъ за другимъ притащились опять къ Ѳедору. Всѣмъ было не весело безъ водки. Хазяйка не обращала теперь вниманія на посѣтителей. Гости рѣшили устроить какъ-нибудь «цыганщину». Мужчины пошли по деревнѣ, собрали „сбожжа“ по гарцу, бабы уловили тайкомъ нѣсколько куриць, принесли масла, яицъ. Юрка

⁸⁶⁾ Хозяйка.

⁸⁷⁾ Съ печки.

отнесь все это добро къ Хаськѣ, и чрезъ полчаса на столѣ красовались двѣ гарцовки. Цыгане продолжали пировать до поздней ночи...

VI.

„Горькое время настало, братцы! Вездѣ всѣ постиснулись. Теперь каждый «ежицца» въ своемъ кутку. Негдѣ обогрѣться, отъ вѣтра укрыться. День трудишься. „колѣешь“⁸⁸⁾, протиснешься какъ-нибудь въ хату, раскупоришь бутылку и не успеешь первую рюмку проглотить, глядишь: является урядникъ. или какая-нибудь другая „трясца“; хватаетъ твою бутылку, рюмку, на жида поднимаетъ крикъ, лѣзетъ въ сундукъ, подъ тюфяки. подъ кровать, въ „потаенную“ каморку, а самому тебѣ черезъ недѣлю подастъ староста повѣстку явиться къ «мировой судѣ».

Вотъ до чего мы дожили, братцы! Все позатихло, присмирѣло. Пѣсни начнешь пѣть — и тутъ тебя за шиворотъ: не имѣешь права!.. Не имѣешь права за свои деньги выпить, повеселиться! Бѣдному человѣчку хоть пропадай!

---

⁸⁸⁾ Холодаешь.

Посмотрите, братцы, что сдѣлалось съ нашей корчмой—Обдираловкой? Стоит теперь въ сторонѣ, какъ сиротка. Ни пѣсни, ни гулу, ни гавѣнды. Стоитъ, бѣдный, какъ дубъ среди долины ровныя... Ахъ какъ тяжело братцы!

.. Отцы мои!

Нѣтъ-ли рѣвки?

Въ семнадцать селахъ

Пить перестали,

Хоть вовсе закрой кабаки ⁸⁹⁾.

Теперь безъ грошей и приступу нигдѣ нѣтъ. Бывало, хоть какой оборотъ имѣешь: житца, сѣнца, картошки, соломки такъ-сякъ перепустишь и „тое што надо выскребешь“. А теперь—свищи! Войдешь въ «винополию»—подавай гроши, снимай шапку, пипки и той закурить не смѣй. Теперь и за свои гроши сколько тягоины приходится имѣть.

Посмотрите, сколько согнутыхъ, съезжившихся фигурокъ дрожить, подскакиваетъ около „винополии“. Не достучатся бѣдные! Закону, говорятъ, нѣтъ. Какъ это—закону нѣтъ? На казенныя гроши вездѣ законъ... Для чего-жъ и горѣлку присылаютъ?“

---

⁸⁹⁾ Розенгеймъ.

Въ такомъ приблизительно духѣ разсуждала толпа мужиковъ, принесшая пустую посуду по окончаніи веселья и налегшая со всѣхъ силъ на парадное крыльцо лавки. Впереди всѣхъ стоялъ знакомый намъ Миронъ, который особенно сильно выражалъ свое нетерпѣніе. Молодые парни, державшіе подъ мышками по полдюжинѣ пустыхъ гарцовокъ, топали ногами, подпрыгивали къ окнамъ лавки и постукивали кнутовищами.

— Мальцы! — кричалъ Миронъ. — бѣгите кругомъ, да драганите у тыхъ двери.

Парни стали стучать съ чернаго хода; Миронъ „драгалъ“ съ крыльца, два „сивыхъ“ армяка били кнутовищами въ окна, но сидѣлецъ все-таки не отворялъ дверей.

— Кажуть, еще обѣдни не конецъ, — отозвалась „сивая“ борода, у которой изъ-за пазухи виднѣлось до десятка квартовокъ.

— Не конецъ! Дыкъ што-жь? По-твоему, значить, люди околѣвай на морозѣ, — горячился Миронъ.

— Што ты тамъ командуешь, — крикнулъ коренастый мужичекъ, направляясь къ Мирону.

— А, Изохватъ, ходи-тка ближи, братокъ, — закричалъ Миронъ.. — Якъ здоровъ?

— Ничего... А якъ же табѣ повадилось на Пилиповомъ веселли?

— Да хула табѣ Божа... не было обиды... Попили, поѣли..

— А якъ выкачүся?

— Два дни троху полежау... Выпивъ солодухи, расолу съ бураковъ, зѣбу рѣдчины, капуста и ничего.

— Али, досать, кажутъ, было погуляння?

— Ну, ета еще не погулянне!.. Во якъ колись-то Павасова батьку жанили— во гуляли! Рыпининъ мужъ двѣ недѣли качауся-качауся, да не выскрепъ... померъ! А наша якое веселля? якое по селетнимъ годамъ вяселля справишь, коли в горѣлки доброму чловѣку не хочуть давать.

Handwritten text in a script, possibly Cyrillic, visible on the left edge of the page. The text is partially obscured by the binding and the red cover material. Legible fragments include: "Hand", "LITER-", "P...", "on", "and", "and", "and", "and".

2127

50 K

2127